

Ольга ЕЛИСЕЕВА

ПОКУШЕНИЕ В ВАРШАВЕ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера исторических приключений

Ольга Елисеева

Покушение в Варшаве

«ВЕЧЕ»

2017

Елисеева О. И.

Покушение в Варшаве / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4444-9206-2

Александр Христофорович Бенкендорф – самый доверенный человек императора Николая, его неизменный спутник во всех поездках, начальник знаменитого III отделения. Такое положение обязывает быть не только жандармом, но и политиком, дипломатом, шпионом. Приходится и раскрывать заговоры, и самому плести интриги. Неудивительно, что в руках Бенкендорфа переплетаются нити судеб целого света: высшего общества обеих российских столиц, да и Варшавы – тоже. От Бенкендорфа зависит даже жизнь самого государя, и это не просто слова, поэтому нужно обладать истинным благородством и огромным чувством долга, чтобы использовать такую власть не для себя, а во благо Отечества.

ISBN 978-5-4444-9206-2

© Елисеева О. И., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Пролог. Дородные жалобы	6
Глава 1. Орленок	9
Глава 2. Лакомый кусок	19
Глава 3. Образ в чаше	28
Глава 4...Один сатана	37
Глава 5. Персидские письма	48
Глава 6. Сговор дам	57
Глава 7. Цесаревич	66
Глава 8. Въезд	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Елисева Ольга Игоревна

Покушение в Варшаве

© Елисева О.И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Время действия: апрель – август 1829 года

Пролог. Дородные жалобы

Дорога на Оршу

– Я не доверяю брату Константину...

Император¹ бубнил, Александр Христофорович делал внимательное лицо. В этот момент карету тряхнуло так, что кишки подскочили под самое горло.

Красные атласные обои затрещали. Медный подсвечник, прикрученный над левым подлокотником, ударил Бенкендорфа² блюдечком в подбородок. Плафон, защищавший от свечного воска, а заодно и зеркало на противоположной стене взорвались отколками. Шеф жандармов зажмурил глаза и только успел сжаться. Видно, кучер задремал на козлах, колесо попало на камень, лошади не справились, и экипаж полетел в кювет.

Падали часто. То от ветра в голой степи, то от ямщицкого недогляда, то угодив в разъезженные колеи. Оказалось, что и шоссе не панацея. Выровняли, посыпали щебнем, вырыли глубочайшие ямы для стока вод по обе стороны, а прибрать с пути булыжники величиной с коровью голову не догадались...

Если бы среди родимого бездорожья – ну, завалились на бок и слава богу – посчитали синяки, поехали дальше. А тут своротились кубарем в ров, ров же – любой замок позавидует, да еще с тальми водами. Даже странно, что глаза открылись сами собой. Бенкендорф осторожно пошевелил кистями рук, по отдельности правой и левой ногой – не сломаны. Потом с опаской глянул вниз. Он висел, опираясь одним локтем в отрывающееся сиденье, а другим – в выгнутый бок кареты. Ее короб образовал горб, который вот-вот мог треснуть.

В последнюю минуту Александр Христофорович подумал: «Sic transit gloria mundi!» Так проходит слава земная. «Я-то жив», – мелькнуло в голове. Внизу темнел сюртук императора. «Лучше бы меня сразу...» Вытаскивали бы обоих. С мертвого какой спрос? Больше всего он боялся увидеть бескровное лицо государя. Сколько всего было! Сколько раз они могли бы... с честью, как люди! Так нелепо!

Бенкендорф постарался дотянуться до двери, из которой вылетели все стекла. Хотя она и держалась на одной петле, выбить ее оказалось трудно. Только раскачавшись и вскинув ноги – «Пойду служить в цирк», – генерал высадил деревянную преграду. Теперь страшное. Он попытался соскользнуть вниз так, чтобы не плюхнуться прямо на спину государя и не усугубить положение.

Хотя какое, к чертям, положение? Положение в гроб.

Его величество не шевелился и производил впечатление мертвеца. Генерал начал читать молитву и попытался ухватить товарища по несчастью за руку. Экий кабанище!

Император, правда, был выше, шире в плечах, да и моложе. «Только бы жив...» – шептал Александр Христофорович, в ужасе понимая, что держит еще теплую, вялую руку. «Ну застони, пожалуйста!» – молил он, сознавая, что ему одному, без помощи извне, государя не вытащить.

Куда там! Его величество везде ездит сам. На версту и больше обгоняет свиту. Никого не слушает. Никого возле себя не терпит. Да и ездит как? Только вскачь. У него, видите ли, от медленного шага голова кружится. Расплата за чрезмерный рост – неправильная циркуляция

---

¹ Николай I (1796–1855) – Николай Павлович Романов, император с 1825 г. Вступил на престол, подавив мятеж 14 декабря 1825 г. Провел следствие и суд над декабристами, казнил пятерых руководителей заговора. Об этом смотри книгу автора «Наследник Тавриды» и «Последний часовой».

² Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – герой войны 1812 г., генерал от кавалерии, генерал-адъютант, друг Николая I, глава «высшей полиции» – III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – и Корпуса жандармов. О нем смотри книги автора «Личный враг Бонапарта», «Без права на награду», «Южный узел».

крови. Ну и сидел бы дома! Вот сейчас глянуть в лицо – белее мела, – непонятно от чего: то ли от природы, то ли смертная маска.

Скорее бы охрана. Офицеры свиты.

Никого.

Александр Христофорович снова попытался своротить государя с места, боясь увидеть, что у того с головой, с шеей. И в ужасе представляя темную, глубокую рану. Где – пока неизвестно.

В этот момент пальцы, за которые он держал, слабо пошевелились. Так трепыхается рыбка в кулаке у мальчишки, сдуру схватившего ее на мелководье и не знающего, что делать дальше. Потом ладонь императора налилась силой и сжала руку Александра Христофоровича.

– Ну, тяни же! – услышал он хриплый голос.

Дедка за репку... К счастью, репка и сама норовила выбраться из земли.

Они вдвоем карабкались к выбитой двери так, словно преодолевали расстояние от Москвы до Парижа. А всего-то и лезть – локоть! Александр Христофорович не смел материться. Искусал губы до крови и, кажется, сжевал левый ус.

Наконец, его величество повис поперек дверного проема, а шеф жандармов уже выбрался в кювет и с интересом огляделся вокруг. Мило. Слева ельник. Справа липы торчат. За ними поле. Ни людей, ни домиков поблизости. Помощи не дождешься. Значит, тянем дальше.

А здорово их скособочило. Император на боку разбитой кареты только покряхтывал. Выволочь его сначала в яму, по дну которой тек какой-то ручей, а потом наверх по склону куртины оказалось делом нелегким. Такие упражнения хороши в двадцать, а не в сорок семь. Бенкендорф поздравил себя с тем, что и бок кололо не сильно, и дыхание его не подвело. Только устал, как будто тянул медвежью тушу.

Правда, государь изо всех сил помогал: упирался в землю ногами, хватался пальцами за траву.

– Живы?

Оба дышали с большим трудом.

Никс³ попытался подняться на четвереньки, опираясь на руки, и снова рухнул.

– Простите меня.

За что? Александр Христофорович не понимал.

– Я очень тяжелый, – с трудом выговорил царь. Он лежал щекой на земле, смотрел на Бенкендорфа и почти смеялся. Ни от чего. Остались целы.

Шеф жандармов сидел рядом. Грязный, потный, в порванном мундире. И тоже беззвучно закатывался.

– Тогда и вы меня. За беспорядок в форме.

Тут уж оба начали хохотать. Государь несколько раз выплюнул ржавую мокроту из разбитых легких.

Спутник успокоил его жестом.

– Грудь ушибли. Если только это – легко отделались.

Император собрался с силами и все-таки сел.

– Я знаете что подумал, когда падали? *Sic transit gloria mundi!* Воспитание! Помереть и то по-человечески не могу. Латынь в голову лезет.

Александр Христофорович устыдился самого себя: ему перед концом в голову приходили царские мысли. Беспорядок. Слишком горд. Вот Бог и одергивает.

– А где кучер?

Кучера только не хватало!

---

³ Домашнее прозвище Николая I.

Никс боднул головой воздух. Попытался встать: со второй попытки получилось – и повернулся к канаве. На облучке сломанной кареты никого не было.

– Должно, закатился куда-нибудь, – предположил Бенкендорф. – Может, там, под экипажем.

– Полезли, – потребовал Никс.

Вот теперь действительно не по чину. Только с другой стороны. Была охота выковыривать всякую нежить из-под обломков! Дождались бы охраны, а та уже... Но царь велит.

Полезли. Вдвоем кое-как разворотили доски козел. Слава богу, сила в руках еще есть.

– Вы как? – деловито осведомился Никс. – Голова не кружится? Вон, кровь по щеке течет.

Только теперь Бенкендорф ощутил, что у него со лба вместе с потом действительно сбегает сукровица.

– Кожу рассек. Ничего.

Вскинули на руки бесчувственное тело кучера в плисовом синем кафтане. Экий зад раскормил на государевых харчах! Вдвоем выволокли на бровку канавы, потом к корням развесистого дуба. Подскакала пара фельдъегерей, опередивших курьеров, которые днем сильно отставали и отдыхали, где могли, потому что ночью мчались по бокам от экипажа с зажженными факелами в руках. До карет со свитой и лейб-медиком было еще далеко. Случалось, половину лошадей загоняли насмерть. Государь только покряхтывал: «Слабосильные». Но шагом ехать не мог. Кучер Яков умел мчать даже без дороги, а царю и любо!

Теперь Никс стоял на коленях над распростертым телом возницы и бил его по щекам.

– Яков! Яков! Старичина! Очнись!

Оклемався, конечно. Закашлялся до красной пены на губах. Замотал головой.

Фельдъегеря спешили, император уступил им место. Они посадили кучера на траву. Один ощупал тело – перелом ноги и ребра. Хорошо не шеи! Другой покрутился возле царя и шефа жандармов, но, поняв, что им помощь особо не нужна, ускакал обратно за другой коляской.

– Все мне бумаги помяли! – жаловался Бенкендорф, который возил с собой пару портфелей, набитых документами. И читал их, несмотря на ветер. Даже завел десяток свинцовых карандашей в кожаной готовальне – чернилами-то не больно на ходу поплещешь.

Прикатила другая коляска. Третья за это путешествие. Ту, что стартовала из Петербурга, они сломали еще под Витебском. Пришлось временно обосноваться в закрытой карете, которая теперь не подлежала починке. Новая хотя бы была без верха – император заулыбался. Он бравировал спартанскими привычками: сплю на тюфяке, набитом сеном, голову подставляю дождю и снегу... Сели снова. Никс потирал ушибленные бока. Сначала насутился, молчал, глядя на дорогу. Потом опять разлепил губы:

– Я не доверяю брату Константину.

Глава 1. Орленок

Дворец Шенбрунн под Веной

Когда-то на месте загородной резиденции австрийских владык стояла мельница. Мельница – символ дьявола. Перемалывает людские души. Но здесь же, у корней векового дуба, тек Прекрасный Источник – Шенер Бруннен. Чего теперь больше: живой или мертвой воды?

Из окон восточного крыла, за уходящим к горизонту зеленым партером, за желтизной качающихся тюльпанов, за фонтаном – игрушечным водопадом, на взгорье видно Глориетту – двухэтажный мост, украшенный римскими доспехами и мраморными львами, попирающими французских орлов. Памятник несуществующим победам австрийского оружия – таким же далеким и неправдоподобным, как сама Глориетта. Не здесь ли, в Шенбрунне, дважды стоял Наполеон, бравший Вену и державший на подступах свой штаб?

Вот в этой самой комнате была спальня корсиканца. Теперь покои отдали его пленному сыну – Орленку, бывшему римскому королю, Наполеону-Франсуа⁴. Или Францу, как его называли на новой, постылой родине.

Юноша смотрел в окно. Его руки сжимали подоконник. Конец марта – ставни настезь. Свежий, но отнюдь не холодный ветер налетал со стороны парка, неся сырые нотки земли. Четырнадцать лет он провел в этом дворце-склепе, куда его привезли четырех лет от роду, не уезжая на зиму в Хофбург, столичную резиденцию. О да – у него топили. Скромно-скромно, как любит немецкая родня. Ежегодная хворь – небольшая плата за пристанище для сироты. Туберкулез костей – такую болезнь, кажется, зафиксировали у него продажные доктора? Если юноша умрет, никто не удивится. Угас, как свеча, на которую дунул ветер из парка.

– Сир, вам нельзя открывать окно! – старый камердинер Гастон, однорукий французский солдат, служивший мальчику еще в Париже, попытался оттеснить господина со сквозняка. Он единственный из всех слуг называл принца «сир». Прочие были почти грубы. Равнодушны – самое малое.

– Надо беречь себя. Если вы вспомните, кто вы...

Франц угрожающе поднял руку. Он помнил. Именно поэтому не позволял об этом разглаговльствовать. Он – птица в клетке, ничем не лучше ручного жаворонка, которого царственный дед подарил ему вскоре после приезда в Вену. Подарил вместе с клеткой, чтобы внук всегда помнил: птичку с подрезанными крыльями кормят, даже дают ей попрыгать по комнате, но... стоит ей взлететь на подоконник, и ее прогонят обратно. Тряпками. Да и что делать бескрылой птахе в лесу? Не умея летать, она сразу станет добычей хищников. Поэтому Франц гладил жаворонка пальцем по спине, давал садиться себе на плечо и даже гадить на австрийский эполет. Но никогда не брал с собой в парк: зачем бедолаге видеть мир, который никогда не будет его домом?

Франц убрал длинные пальцы с подоконника. Разве у его отца были такие?

– Вот когда мы с императором стояли в этой самой комнате...

Камердинер завел свою вечную песню про великие дела того, кого здесь боялись называть. Бонапарт не добром получил в жены настоящую принцессу из рода Габсбургов, Марию-Луизу, дочь ныне царствующего монарха. В 1810-м тот потерял голову и чуть не потерял страну. Только брак эрцгерцогини с победителем спас его от окончательного поражения.

---

⁴ Жозеф-Франсуа-Шарль Бонапарт, Наполеон II, герцог Рейхштадтский (1811–1832), сын Наполеона Бонапарта и австрийской принцессы Марии-Луизы, второй супруги императора Франции. После рождения получил титул Римского короля. В 1815 г. Наполеон отрекся от престола и провозгласил сына французским императором. Но победители не признали ребенка наследником и передали под покровительство деда – австрийского императора Франца II.

Девушку, чья кровь была древнее самой империи, отвезли во Францию, где над ней надругалось Корсиканское чудовище.

Нет, на самом деле Бонапарт был мил, ни к чему не принуждал невесту, хотя в первый же вечер остался у нее. Они поладили. Мария-Луиза стала настоящей монархиней – родила мужу сына и до конца требовала защищать Париж. Но... соединение древнейшей в мире благородной крови с недобродившим шипучим вином – все равно насилие и надругательство. Дитя от такого союза – чудовище.

– Дайте срок... Придет время... – шепчет Гастон, расставляя на столике чашки и раскладывая приборы. Завтрак. Один рогалик. Даже без масла. А фарфора, серебра, салфеток, как если бы дитя ело три перемены блюд. Скупердяи! Даже кофе «спитой» – трижды переваренный с понедельника. Разве так жил император? Разве так он приказывал содержать сына? – Короля Луи Восемнадцатого не любят в народе. Толстяк. Увалень. Не может вскарабкаться на лошадь. Оскорбление нации. Такого французы не простят. Дома знают, что у императора есть сын...

– Был, – машинально поправил Франц. – Поосторожнее. Даже крысы в стенах с ушами.

– Есть, – упрямо повторил инвалид. – Вы сами знаете мою правду. Сами с ней согласны. Пробьет час, и вы решитесь. Кровь возьмет свое.

Юноша бросил на камердинера быстрый взгляд голубых водянистых глаз. Слова старого солдата поднимали в его душе волну ненависти ко всему окружающему. Волну надежды. Жажду славы и перемен. Рукой подать до границы, и его встретит Дева Марианна, Прекрасная Франция, так долго верившая в сказку о вечном возвращении – о приходе к ней молодого, полного сил монарха, способного своей кровью оросить корни древа Свободы и, как галльский петушок, подставить свое тонкое юношеское горло под серповидный нож. Дева Марианна возлюбит его и снова, как тридцать лет назад, наденет красный от крови фригийский колпак...

– Кто это? – Франц указывал в окно. – Вон-вон, вышел из-за лип и идет к дверям?

Судя по тому, что человек уверенно двигался к боковому входу, не крутил головой, ища привратника, а по-свойски сам хватался за ручку двери, он был в Шенбрунне постоянным гостем. Или считал себя хозяином. Слишком твердо и горделиво двигался, как не подобает слуге. Даже слуге короны.

– Меттерних.

Камердинер и принц разом назвали ненавистного канцлера⁵. Долговязая фигура в синем сюртуке со звездой скрылась внутри.

– Зачем он пожаловал? И нанесет ли нам визит? – беспокоился Гастон.

Франц сжал рот в одну линию, так что от пухлой оттопыренной габсбургской губы не осталось и следа.

– Сердце мне подсказывает, что это не будет визит вежливости.

* * *

За день до этого. Вена

Нарядные пары поднимались по лестнице, отражаясь в собранных из разных кусочков зеркалах. Целиковые стекла так дороги, а роскошь ничуть не страдает от бережливости! Главное, чтобы начищенные медные ручки сияли, как золотые. Гипсовые статуи были отполированы до мраморного блеска. А дерево паркетов слегка благоухало медом, хотя натерли его пчелиным воском.

---

⁵ Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773–1859), князь, с 1809 г. – австрийский министр иностранных дел, с 1821 г. – канцлер. После победы над Наполеоном один из создателей Священного союза монархов Европы, препятствовавшего возникновению новых революционных очагов.

Дом-сундучок, дом-клад, когда-то принадлежавший канцлеру времен императрицы Марии-Терезии – великому Кауницу. На его внучке был женат Меттерних, унаследовав сначала сокровища, а потом и чин. Бедная Антония, спокойная, некрасивая, уверенная в себе и в муже, никогда не мешала ему искать легкокрылых удовольствий на стороне. Лишь однажды она по-настоящему взревновала. К этой русской, княгине Ливен⁶. Как он мог? Неверность тела – одно. Уход души – другое. В дни конгрессов⁷ Клеменс покинул ее навсегда – в беседах и письмах отныне царила иная страсть. Этой измены Антония не простила до гробовой доски.

Теперь под ее портретом вдовец-канцлер встречал гостей об руку с третьей будущей супругой. Такова уж его судьба – сводить доверившихся женщин в гроб. Несчастливая мать, не вынеся позора второго брака сына – слишком низкого происхождения оказалась нареченная, – преставилась через несколько дней. Жена-босоножка в родах, все шептала, будто ее преследовал призрак старухи...

Следующая хозяйка дома, несносная Мелания Зичи, которую в свете называли Моли, дочь венгерского магната, воспитанная в Вене, держалась крайне свободно, точно и будущий муж, и кресла уже принадлежали ей. Самодовольство светилось на ее квадратном окладистом лице с тонким носом и крошечным детским ротиком. Несмотря на свою тяжеловесность и широкую талию, Моли вскружила не одну голову. Но ее собственную кудрявую головку унес с собой в качестве трофея сердцеед Клеменс. По суетному, полному довольства взгляду красавицы становилось ясно, что она не готова, хотя бы внешне, разделить скорбь дома Меттернихов. Чему хозяин в глубине души был несказанно рад.

Несмотря на возраст, он продолжал оставаться очень красив красотой ленивого зверя, который, кажется, задремал на солнышке, но стоит добыче приблизиться... Сегодня канцлер принимал очень узкий круг гостей. В визитный зал пара за парой поднимались Лебцельтерны, Татищевы, Вонсовичи, Фикельмоны. Маленький вечер, только для своих. Даже подсвечники зажгли через один.

Клеменс с крайним вниманием следил за последней парой. Дама-роза и мужчина в годах. И думал, кто из них больше подойдет для миссии в Петербурге. Граф Шарль-Луи Фикельмон, умный, неизменно спокойный и способный понимать даже дикарей? Или его жена – сама полудикарка, плод неустанного воспитания, таящая сильные страсти под внешним лоском? У ее матери, Елизаветы Михайловны Хитрово, дочери знаменитого Кутузова, они ярче, откровеннее. Дарья выглядит более... вышколенной. Однако темперамент можно скрыть, но не побороть до конца. Будет славно, если она с полной головой европейских идей окажется возле молодого царя.

Молодая дама во все глаза смотрела по сторонам. После первых родов она казалась еще полноватой, золотой пояс жал под грудь. Большеротая, большеносая, пучеглазая – и за что только люди зовут ее красавицей?

Но, глядя на мадам Фикельмон, только глупец не заметил бы, что она счастлива. До вызова. До невозможности скрыть любовь к мужу. Счастье же – само по себе притягательно. Поэтому вокруг супругов, где бы они ни появились – в Неаполе, Вене, Варшаве или Петербурге, – будут виться люди. Это на руку.

Вчера прибыл полномочный поверенный, принц Карл Ольденбургский, который от имени императора Николая просил отправить в Петербург в качестве нового посла именно Шарля Фикельмона, долгое время служившего в Неаполе. Почему бы и нет? Лебцельтерна⁸

---

⁶ Ливен Дарья Христофоровна (1785–1857), супруга русского посла в Лондоне, сестра А.Х. Бенкендорфа, осуществляла функции резидента. О ее романе с Меттернихом смотри роман автора «Последний часовой».

⁷ Имеются в виду дипломатические конгрессы Священного союза, следовавшие за победой над Наполеоном.

⁸ Лебцельтерн Людвиг Йозеф (1774–1854), граф, генерал-майор, австрийский дипломат. С 1815 по 1826 год – полномочный министр в Петербурге. Женат на сестре супруги руководителя Северного общества заговорщиков, «диктатора» Сергея Трубецкого – Зинаиде де Лаваль. После подавления мятежа укрывал деверя, ссылаясь на дипломатическую неприкосновен-

там все равно больше не примут. Слишком близкое родство с государственным преступником Сергеем Трубецким – женаты на сестрах. Слишком странное поведение во время мятежа 14 декабря, когда он отправлял секретарей посольства к каре бунтовщиков разузнать о планах восставших: кого хотят, неужели правда Константина?⁹ А Николай? Его можно не принимать всерьез?

Теперь этот Николай готовится штурмовать Константинополь и требует – по-другому не скажешь – нового посла. Еще раз: почему бы нет? Русским особенно импонировало то, что жена Фикельмона – внучка Кутузова. Это устраивало и Меттерниха: принимающая сторона легче расслабится, считая посольшу «своей». Чрезвычайными миссиями многого не добьешься. Братец Мелании барон Зичи по личному приказанию канцлера ездил в Петербург накануне войны уговаривать русских держаться принципов Священного союза¹⁰ и не нападать на турков из-за греков, но нарвался на доверительное хамство молодого императора:

– При чем тут греки? У нас и помимо них множество дел с султаном. Отчего он не держится договоров? Не пускает наших купцов? Разоряет торговые корабли под нашими флагами? А греки, что ж, они храбро воюют. Может, не следовало их резать?

Он почти издевался, этот царь, с напускным простодушием позволяя себе говорить то, что у его брата Александра было бы за семью замками. Это пугало. Создавало чувство неуверенности.

Меттерних взял госпожу Фикельмон под руку и повел через аудиенц-зал в столовую: маленький ужин – лучший способ сблизиться в почти семейной обстановке.

Молодая дама не могла бы нахвалиться роскошью приема. Здесь все выглядело по-королевски. Только суп и десерт подавали в фарфоровой посуде. Остальные блюда на серебре. Перемены были мгновенны – едва хозяин дома положит нож и вилку, гости должны поторопиться отведать свое, пока Клеменс еще держал приборы на весу. В Неаполе, где семья Фикельмон жила раньше, все куда беспорядочнее, естественнее, и будущая посланница боялась, что выглядит провинциалкой.

– Друг мой, – обратился Меттерних к Шарлю-Луи, – мы в тесном кругу и можем говорить откровенно. Русский император, – он кивнул в сторону четы Татищевых, – просит направить в Петербург вместо Лебцельтернов, – снова кивок бывшему послу и его супруге, – вас. Такая просьба – не лучшая характеристика в наших глазах. Вы же понимаете, что выглядите слугой двух господ?

Фикельмон не выказал ни беспокойства, ни чувств оскорбленной невинности.

– Царь – человек чести...

Господа Татищевы закивали.

– ...Что же странного, что он хотел бы видеть послом в своей стране бывшего военного, генерала, честного дипломата, способного к самостоятельным шагам? – Шарль-Луи парировал придирку так же легко и в той же манере, которая столь раздражала канцлера у молодого царя. Будет толк. Так кто? Муж или жена? На кого следует возложить основную миссию? Граф опытен, а графиня – взгляд не оторвать как мила, хотя не теряет чувства приличия. Что недурно.

ность.

⁹ Константин Павлович Романов (1779–1831), цесаревич, брат и официальный наследник Александра I. В 1821 г. отрекся от права наследовать престол, чтобы получить развод и жениться на женщине нецарского происхождения – польской шляхтянке католичке Жанетте Грудзинской. В дни мятежа отказался приехать в Петербург из Варшавы и открыто подтвердить свое отречение.

¹⁰ Священный союз – альянс, заключенный монархами континентальной Европы после Наполеоновских войн, в 1815 г. в Париже, с целью реализовать решения Венского конгресса держав-победительниц. Главная задача союза состояла в предотвращении революционных движений, для чего были осуществлены интервенция австрийских войск в Италию и французских в Испанию. Россия при Александре I отказалась от поддержки греческих повстанцев, восставших против власти турецкого султана.

Меттерних усмехнулся и скосил глаза на свою Моли. То, что нужно для крепкого дома: хороша, заботлива, недалеко умом. Но без полета, совсем без полета. Сердце сжалось при воспоминании о княгине Ливен. Никогда до, никогда после... Но жизнь несправедлива...

– Сударыня, – канцлер с преувеличенным воодушевлением обратился к мадам Фикельмон, – нам будет отрадно отправить в Россию родственную этой стране душу. Ваш дед, фельд-маршал, великий человек...

Все, кроме поляков Вонсовичей, согласно закивали. Их холодность слегка задела Дарью. Но они – представители храброй и несчастной нации, которую следует понимать, прощать, поддерживать хотя бы морально. И, приложив усилие воли, будущая посольша не обиделась.

– Ведь вы уже ездили в Петербург с родными, – настаивал канцлер.

– О да. Император Александр был так добр, что подарил матушке пенсioen за ее великого отца. Нас принимали на самом высшем уровне. Мы каждый день проводили с августейшей семьей. Великие княгини относились к нам, как к сестрам. Особенно добра была нынешняя императрица, Александра Федоровна...

Клеменс растянул губы в вежливой улыбке.

– Тогда и нынешний государь вам коротко знаком? Он был великим князем. Вы встречались?

Дарья утвердительно кивнула.

– Николай Павлович... всегда держался в тени царственного брата. Думаю, и на троне он будет продолжателем дел великого предшественника.

Моли фыркнула, не скрывая своего отношения.

– Мой брат Альфред ездил в Петербург с *миссией*. – Ей казалось, что это очень важно: не всякому доверяют миссию. – И что же? Этот царь отклонил все доводы в пользу Священного союза!

Будущий муж поспешно прервал ее. Ему совсем невыгодно было, чтобы гости полагали, будто один из гарантов договора – Россия – готов покинуть альянс.

– Милая, не преувеличивай. Царь сказал лишь, что у него *свои дела* с султаном. Но греков он считает бунтовщиками.

– Вовсе нет, – Мелания не готова была уняться. – Нынешняя императрица еще в бытность великой княгиней говорила покойному государю, что греков нельзя приравнять к другим бунтовщикам. Чьи слова она повторяла?

Разговор становился острым. Канцлер воззрился на посла Татищева с женой. Именно им следовало опротестовать заявление баронессы Зичи. Но добрейший Дмитрий Павлович молчал. Он так долго прожил в Вене, что уже начал забывать французский, на котором говорил дома. Известие, будто новый царь требует от высших чиновников знание русского, повергло его в отчаяние и чуть не привело к отставке. Юлии Александровне с трудом удалось убедить своего благоверного, что скоро все вернется на свои места. Она славилась широтой всех телесных окружностей, семейными добродетелями и редким подобострастием к сильным мира сего. Поэтому супруги Татищевы терпеливо смотрели на Моли, ожидая продолжения. Которое, кстати, можно красиво описать в депеше на родину.

– Покойный царь вовсе не прислушался к пожеланию поддержать греков, – слегка подтолкнул баронессу Дмитрий Павлович. – Хотя многие в Петербурге этого хотели.

– Зато нынешний прислушивается, – вспыхнула Моли. Она, как все заурядные люди, считала, будто мир вращается вокруг них, и Николай не имел оной цели, кроме как обидеть ее дорогого брата Альфреда. Не выдержав, Клеменс наступил под столом на ногу дражайшей половине: «Да уймись же ты!» Мелания с крайним удивлением посмотрела на него. Но прикусила язык.

После горячего подавали кофе с ликерами. Мужчины ушли в курительную, где можно было поговорить без дамского птичьего щелканья.

– Кстати, дорогой Людвиг, – обратился хозяин к графу Лебцельтерну. – Мятеж начала царствования все еще сказывается в Петербурге?

Бывший посол отложил бразильскую пахитосу.

– Все уже все забыли, – к величайшему неудовольствию канцлера, бросил он. – Общество легкомысленно. Если бы не эти бедняжки-жены, поехавшие за ссыльными в Сибирь, о бунтовщиках бы вовсе не вспоминали. Но добродетельный поступок супруг, матерей и сестер еще обсуждают и весьма одобряют.

– Ваша свояченица...

– Оставим Каташу ее судьбе, – бывший посол был почти резок. – Моя жена Зинаида до сих пор плачет. А тесть граф Лаваль вынужден был продать коллекцию этрусских ваз, чтобы снарядить эту экзальтированную сумасбродку к ее мужу-безумцу. Ведь ей нужно там все: от шелкового белья до фортепьяно. А дом, который она построит! А взятки городским чиновникам!

– По-вашему, не было ни малейшего вероятия, чтобы петербургские бунтовщики победили? – настаивал канцлер.

– Напротив, совсем напротив, – граф Лебцельтерн снова затыкнулся, отчего его впалые щеки так глубоко ушли внутрь черепа, что, казалось, соприкоснулись друг с другом во рту. – Удача могла улыбнуться заговорщикам. Просто чудо, что властям удалось подавить возмущение. Если бы не новый царь... Тогда он показал себя впервые.

Меттерних сделал кислое лицо.

– И что могло бы быть?

– Шутите? – бывший посол прищурился. – В стране, где толпы ничего не потеряют, а только приобретут грабежом? Начался бы хаос, с которым никто, вы слышите, никто не смог бы совладать. Заговорщики пали бы первыми от удара этой волны. Какая разница, кто лишил их жизни – законный монарх или мужик с топором?

– Вы слишком долго пробыли в чужой стране, – констатировал канцлер, – и начинаете принимать ее интерес за наш собственный. Вернитесь домой, Людвиг! – Клеменс сложил руки рупором. – Вернитесь домой! Если бы тогда у русских начался кровавый хаос, то сейчас никто не угрожал бы Константинополю. Польша была бы поделена между нами и Пруссией. Молдавия, Валахия и другие Дунайские княжества умоляли бы Вену о праве войти в состав империи. Греция не рассчитывала бы на штыки единоверцев. А сам Петербург, помаявшись в лихорадке, просил бы о введении союзных войск...

Он говорил так свободно, потому что посол Татищев, безмерно обожая сладкое, остался за столом, с женой. Там шла своя беседа. В сугубо дамском духе – о предзнаменованиях.

– Милочка, неужели вы не боитесь поселиться в доме, где до вас умерло столько женщин? – Зинаида Лебцельтерн наклонилась к Моли.

– Боюсь? Почему? – пухленькая рука баронессы Зичи потянулась за рогаликом с заварным кремом.

– Ну, все говорят о призраке старухи из портрета... – начала мадам Лебцельтерн. Пережитое в России сделало ее нервной. – Разве не она повинна в смерти второй супруги вашего будущего мужа?

– Глупая мистика!

– Естественнее предположить, что молодая дама на сносях просто переволновалась. – Дарья сама не ожидала, что придет на помощь баронессе. – И после похорон свекрови ей привиделся призрак.

– Какая вы матерьялистка! – всплеснула руками Зинаида Лебцельтерн. – А здесь, в Вене, приветствуется легкий мистицизм.

– Разве вы не видели сокровища Хофбурга? – с упреком спросила мадам Татищева, ставшая в Австрии почти католичкой. – Вы должны обязательно взглянуть на гвоздь Спасителя,

которым Он был приколот к Честному Кресту, на ресницы святой Бригитты, застывшие в янтаре...

– Позвольте мне, – до сих пор молчавшая графиня Анна Вонсович вступила в разговор. – В Хофбурге много чудес. Копье Лонгина, мощевик Карла Великого, неоскудевающий кошель Святого Стефана... – Польская гостья пересела поближе и с неизъяснимой грацией взяла Дарью за руку. Это была дама навечно цветущего возраста – после 30-ти, но до 50-ти. Ее волосы, конечно, оставались черны, а губы пунцовы, но в уголках глаз уже можно было разглядеть лучики морщин, а под нижними веками темную тень с наплывами водянистой кожицы, которые по погоде то исчезали, то набегали вновь. Тем не менее Анна Вонсович, в прошлом Потоцкая, урожденная Тышкевич, выглядела еще очень желанной. Как взбитые сливки, которые надо съесть сейчас, потому что завтра они прокиснут. – Возможно, вы слышали об Агатовой чаше? – продолжала она, в упор глядя на Дарью. – Эта реликвия хранится здесь, в Золотой кладовой. Ее могут видеть только члены династии. Те, на кого семья возлагает особые надежды. Говорят, это и есть Чаша Грааля. За такими сокровищами Габсбурги¹¹ охотились тысячу лет. Тот, кто посмотрит в нее, увидит будущее.

– Я все это слышала, – кивнула графиня Фикельмон, осторожно отодвигаясь от экзальтированной польки. – Но разве сокровища помогли Габсбургам против Наполеона?

– Вы ничего не поняли, – горячо выдохнула Вонсович. – Выдав дочь за Бонапарта, император Франц поступил мудро. Он освятил реликвиями дома Габсбургов беззаконные победы беззаконного владыки, сделав его истинным государем. В том-то и особая милость Всевышнего, что он принял этот дар.

– Но Бонапарт побежден, – удивилась Дарья. – О чем вы говорите?

– О ком, – поправила ее графиня Анна. – О юноше, который зачат зверем и ангелом. Чудовищем революции и чистейшей из принцесс старого мира. О семени ада, которое по согласию и благословию римского папы проникло в райское лоно и дало росток. О мальчике, которого именуют Орленком. Как вы могли забыть о нем?

Дарья не поверила своим ушам. Как? Об этом несчастном ребенке еще помнят?

– Конечно, его судьба интересна, – выдавила она. – Но кто же поручится за будущее?

– Тот, кто уже начал игру, – канцлер вместе с другими мужчинами вышел из курительной и присоединился к столу.

А вот господа Татищевы, соблюдая все формы вежливости, решили распрощаться. Посол всегда должен знать, когда удалиться, чтобы оставить принимающую сторону, так сказать, в недрах самого себя. Чтобы не смущать, не ставить в неловкое положение, не услышать чего лишнего и со всеми остаться в наилучших отношениях.

– Революция или череда гражданских войн в России отбросили бы ее из Европы, – подытожил Меттерних свои разговоры в курительной. – И избавили бы нас от двухвековой головной боли. К сожалению, мятежники не оказали цивилизованному человечеству такой услуги. Проворонить такой шанс! Вы правы, Людвиг: они безмозглы и заслуживают своей судьбы.

– Но кто же тогда закроет Европу от орд азиатских варваров? – подала голос Дарья. – От нового Чингиса или Тамерлана? – Ей казалось, что она прибегла к безотказному аргументу. – Кто же защитит нас?

– Сарматы¹². – Меттерних отсалютовал граненой рюмкой с полынным ликером чете Вонсовичей.

Те переглянулись и заулыбались, точно пойманные за кражей варенья дети. А вот на лице Фикельмона выразилось глубокое сомнение.

---

¹¹ Габсбурги – династия, правившая в Австрии с XIII в., монархи Священной Римской империи германской нации, с 1804 г. – Австрийской империи.

¹² Сарматы – кочевые племена VI–IV вв. до н. э. Наричательное имя поляков в литературе эпохи Просвещения. Русских называли «скифами».

– Они себя защитить не могут.

Графиня Вонсович раздула ноздри тонкого носа.

– Да, мы беспомощны. Теперь беспомощны, когда все наши земли отняты соседями. Но в былые дни мы обладали Кремлем, заставляли русских и немцев дрожать при одном нашем имени.

– Большое преувеличение, мадам. – Шарль-Луи говорил любезно, но с холодком. – Большое преувеличение. Надеюсь, господин канцлер это понимает? – Он всем корпусом развернулся к Меттерниху. – Кроме того, ваша светлость, мне непонятно, зачем разрушать одну империю, чтобы на ее обломках создать другое чудовище, расположенное куда ближе к нашим границам?

Клеменс слабо улыбнулся. Да, он посылал в Петербург правильного человека, который будет мыслить с царем в унисон, создавая иллюзию единства мнений по ключевым вопросам.

– Никто не говорит об империи, друг мой. Просто маленькое, очень слабое королевство из части наших галицийских земель.

– Но к нему немедленно примкнут другие провинции! – воскликнула Анна Вонсович. – Земли, которые находятся под гнетом завоевателей.

– Увидим, сударыня, увидим, – досадливо кивнул ей Клеменс. Было заметно, что дальше игры в карманную польскую независимость его мысли не простирались. – Друзья мои, не буду скрывать от вас правду, – канцлер тряхнул салфеткой, – мы в отчаянном положении. Русские вот-вот преодолеют Балканский хребет и двинутся на Стамбул. Как будем предотвращать катастрофу?

Лебцельтерн пожал плечами: а зачем?

– Когда нашу границу с юга облягут русские провинции или союзные России государства, которые станут есть у Петербурга из рук, тогда посмотрите, – Меттерних повел шеей, точно ему давил воротник. – А славяне, которые веками живут под защитой Австрии, начнут волноваться и перекидывать шарик огня из одного конца империи в другой... – Клеменс не стал договаривать. – Поэтому сто крат лучше и даже моральнее зажечь чужой дом. – Он поднял глаза на супругов Фикельмон. – Отправляясь в Петербург, вы должны знать самую суть нашей политики, чтобы быть готовыми к неприятным вопросам, которые вам непременно зададут, когда Галиция будет объявлена самостоятельным королевством.

Шарль-Луи всем лицом изобразил неудовольствие.

– И что же нам говорить царю? Такие действия бесчестны, несправедливы...

– Кого вы намерены короновать? – Дарья сама удивилась тому, как уверенно вмешалась в разговор мужчин.

Меттерних даже захлопал в ладоши.

– Bravo, мадам. – Он победно глянул на ее недогадливого мужа. – Ваша супруга мыслит быстрее. А действительно, кого? Кого мы можем короновать?

* * *

Следующий день. Шенбрунн

Совсем необязательно было подниматься в покои принца Рехштадского на втором этаже. Достаточно вызвать его в Розовый кабинет, в котором, правду сказать, не цвели розы. Зато в комнате имелось кое-что поценнее: панели из розового дерева, в которые, как в рамы, были вставлены кусочки индийских миниатюр на шелке.

Принц заставил себя ждать. Намеренно, канцлер это знал. А спустился, будто только что оторвался от завтрака: белая жилетка, под ней аж хрустящая от крахмала рубашка, в руках саксонская салфетка с императорской короной.

«Неужели этим бедняга Франц хочет подчеркнуть свою принадлежность к августейшему семейству?» Меттерних вздохнул. Да она случайно оказалась у него в покоях. Остальное белье грубое – силезский лен.

– Прошу простить мое невольное промедление...

«Вольное, вольное», – хмыкнул про себя Клеменс. Вон кудри-то как успел завить и уложить.

Юноша изучающе скользил взглядом по лицу гостя. Его лоб, брови, глаза – все отцовское. Зато щеки одутловатые, как у матери. Ее же пухлые губы. Бедная Мария-Луиза, теперь герцогиня Пармская, замужем за генералом Нейпергом, своим придворным шталмейстером.

– Я полагаю, что лишь самые серьезные обстоятельства могли побудить вашу светлость к визиту, – начал принц.

Меттерних показал ему на кресло. Он сам, в нарушение всех приличий, давно сидел. И чувствовал себя от этого наилучшим образом. Кто же еще отважится обнаружить перед выскочкой правду? Не спасует, не спрячется за этикетом, как за щитами римского легиона?

Канцлер давно привык, что вся тяжесть империи – на нем. Что старый государь едва держит корону на седой голове. Что его подагрические ноги не стоят на паркете. Что на трон под мантию пора подкладывать подгузник. А кто ему унаследует? Яйцеголовый сын Фердинанд, у которого сплюснутый на висках череп так давит на мозг, что мешает связно говорить? Та же беда и с братьями – больны еще в колыбели. Самый смысленый – этот выродок с почти крестьянской кровью корсиканца.

– Ваше высочество, – канцлер ласково глянул на принца. – Вы очень стеснены здесь, на родине матери. А французский королевский дом не может считать вас своим и потому глубоко равнодушен к вашей судьбе.

– Они мне не родня, – отозвался Франц. – Я их не виню.

«А стоило бы!» У Клеменса не хватало зла на этих недалёковидных кичливых Бурбонов¹³. У них под боком подрастает тот, кто одним своим именем – и только им – способен воодушевить их подданных и вызвать бунт. Грех не интересоваться кандидатом на собственную корону!

– Хотите навсегда покончить со всем этим? – спросил канцлер. – С мелочной опекой, с придирками по пустякам, с неволей в самом унижительном, я бы сказал церемониальном, смысле слова?

Лицо Франца вспыхнуло.

– Хотите, – констатировал Меттерних. – Рано или поздно во Франции запылет пожар новой смуты. Но сейчас там тихо, и ничто не предвещает Бурбонам падения. Но есть другие престолы. Что вы знаете об отношениях вашего отца с Польшей?

Принц был застигнут врасплох.

– С Польшей? То есть с мадам Валевской?¹⁴ Ну да, у них был сын... кажется. Я не уверен.

– С Польшей, а не с Валевской, – поправил Меттерних. – Кабетты приходят и уходят. Их дети тоже. А троны остаются. Или трон может быть возрожден. При содействии сильных держав, конечно.

Франц молчал, переваривая сказанное и не решаясь спрашивать подробнее.

– К нашему двору прибыл эмиссар из Варшавы, некто Бржездовский. Такой же эмиссар отправился в Берлин. Они просят вас в короли. – Клеменс решил, что правильно будет ударить молотком по голове, пусть у паренька поднимется звон в ушах. – Мы смотрим на вопрос благосклонно. Галицийские земли будут объявлены независимым Польским королевством. Вас

---

¹³ Бурбоны – французская королевская династия, свергнутая с престола Французской революцией и восстановленная после победы над Наполеоном в 1814 г.

¹⁴ Валевская Мария (1789–1817), графиня, любовница Наполеона. Родила от него сына Александра Флориана Валевского, будущего министра иностранных дел в правительстве Наполеона III.

коронуют в Кракове. Если прусский король поспешит, то лоскутки польских земель без боев примкнут к Галиции и от другого участника разделов.

– А-а, – заикнулся Франц, – в Петербург тоже поехал эмиссар? Русский царь согласится? Канцлер снисходительно смотрел на собеседника.

– В том-то и дело, что основная часть польских провинций сейчас у России. Они восстанут, как только узнают о провозглашении независимости в Кракове. Любое королевство нужно добывать, – Меттерниху хотелось ободряюще похлопать принца по плечу. – Не могу сразу обещать вам Париж. Но с чего-то нужно начинать.

Глава 2. Лакомый кусок

Дорога на Гродно

Государь снова сменил экипаж за одну станцию до Вильны. Уже темнело. Обычно это не останавливало Никса, он был готов скакать ночь-полночь. Но сегодня, после пережитого, его величество благоволил-таки поспать. Строго-настрога предупредил, что до петухов – никак не позднее, – и задрях, иного слова не подберешь.

Молодые спят долго. Люди с чистой совестью – глубоко и спокойно. Император промучился первые два года с мыслями об ужасном начале царствования – мятеже, суде, казни, – а когда всерьез началась война¹⁵, словно отодвинул от себя грех, который только сам и считал грехом. Во всяком случае, он никогда не делал зла сознательно. А потому почивал мирно, проваливаясь в шахту сна без видений, и просыпался, точно в следующую минуту после того, как закрывал глаза.

В отличие от него, Александр Христофорович ворочался, долго не мог сомкнуть рыжие короткие ресницы, а когда все-таки впал в забытие, спал дергано, пробуждаясь чуть не каждый час, чтобы попить воды или отлить с крыльца.

Постоянная тревога свила гнездо между его бровей и ледяными костяшками сжимала сердце. Он всегда отвечал за государя. Раньше, при покойном императоре Александре, Бенкендорф молился, пусть царь его заметит, пусть приблизит, как покойный Павел I приблизил и обласкал его родителей. Ну что же он-то такой неудачник!

Теперь государевой милости хоть отбавляй. Удачи – горстями ешь. Первое место одесную царя, тень за его спиной. Нынешний император даровал ему столько доверия, что не удержать. Когда Александр Христофорович впервые сел в экипаж Никса – ехать к армии, он даже не предполагал, что станет спутником государя навсегда.

И навсегда потеряет покой. Превратится в чуткое ухо, верное плечо, единственную охрану там, где никого, кроме них двоих. Императора бесполезно было охранять. Раз на Дунае въехали в лес. Широколиственное чудо. Светлое, сухое. Без запаха прели и опавшей хвои. Никс вдыхал полной грудью, слушал птиц. Сразу как-то успокоился. Вместо гнева впал в меланхолию по поводу низкого поступка брата Косеньки¹⁶. И хотя раньше кричал, что и не знает, как выбираться из заваренной каши, сейчас вдруг всей душой решил положиться на волю Божию. Не оставит.

Но на Бога надейся, а сам не плошай. Крепости берутся войсками. Не в последнюю очередь – их количеством. План же кампании с турками был составлен с учетом польской армии. Константин сначала согласился, и Главный штаб обсчитал совместные действия. Но потом цесаревич сдал назад. Как делал всегда. Оставив брата одного выбираться. Зла не хватало на этого капризного бора!

У Александра Христофоровича была своя причина оч-чень не любить второго из великих князей. Хотя, конечно, он строго соблюдал... и никогда себе не позволял... Но есть занозы. Более двадцати лет назад Константин соблазнил Доротею Ливен, сестру Бенкендорфа, уже замужнюю, но любопытную дурочку. А он, брат, ничего не мог сделать члену августейшего семейства, даже вызвать на дуэль. Тем более что сестра сразу вспыхнула: не его дело, сама взрослая, поступаю, как хочу! Но вот этой-то низости шеф жандармов не мог простить скорее себе, чем цесаревичу. И не любил того крепко, хотя сдержанно, по немецкой рассудительной натуре.

Теперь наш боров довел даже государя.

---

¹⁵ Русско-турецкая война 1828–1829 гг. О начале конфликта смотри книгу автора «Южный узел».

¹⁶ Косенька – домашнее прозвище цесаревича Константина Павловича.

– Он поносил нынешнюю войну. Говорил, что нам не стоило начинать и ввязываться. Что Священный союз – панацея! – Император через губу выплевывал слова. – А нынче пишет, что будет считать себя опозоренным, если войска, которые он тренировал, пойдут на войну. А он останется дома в Варшаве.

Неизвестно, что больше обидело Никса: что Константин отказал ему в необходимом, или что назвал Варшаву «домом».

– Вообрази, – наедине царь всегда говорил Бенкендорфу «ты», – что будет, если он собственной персоной появится на театре военных действий. Вся Европа решит, будто мы хотим посадить его на греческий престол. А мы того как раз не хотим. Да и он сам тоже.

Ну, чего хочет, чего не хочет цесаревич – темна вода во облацех.

– Я оскорблен до глубины души. А как государь поставлен еще и в неловкое положение. Можно требовать повиновения от подданных, если родной брат смеется над моими приказами? Я смирялся перед ним всякий раз, когда он говорил «нет». Ведь он уступил мне корону...

«Полноте, он уступил вам место под пулями, потому что знал о готовящемся мятеже».

– Но все же он и есть настоящий царь, а я – только заместитель.

«Вы сами этому не верите».

Александр Христофорович не мог следить за мыслями императора. Его пугал лес. В жизни за себя так не трясся, как за это золотое Пасхальное яичко, облупить которое – тьма желающих. Где они? Где охрана? Не ровен час, разбойники. Турки. Территория-то еще вражеская или наша? Их всего двое. Кучер не в счет, его убьют первым...

Бенкендорф достал саблю и положил себе на колени.

– Короноваться вам надо. В Варшаве. Чтобы поляки подчинялись непосредственно вам, а не вашему брату.

И это было проговорено сто раз. Никс скосил глаза на саблю, усмехнулся и не прервал рассуждений, будто не заметил. Часа два провели в дороге. Солнце начало садиться. Сумерки поползли по низам. Поляны приобрели тревожный вид. Дневные птицы смолкли. Запели другие. Некоторые голоса Бенкендорф хорошо различал, иных не знал – местные. Дорога стала наезженной, широкой. Вскоре расступились деревья на опушке, и впереди, под горой, замаячил лагерь. Мелькание огней между палатками. С расстояния не долетала речь. Свои? Турки?

Шеф жандармов непроизвольно напрягся, потянул с клинка ножны.

– Наши, – как бы мимоходом бросил государь. – Костры на равном расстоянии друг от друга.

И все. У Александра Христофоровича ослабели руки. Оплочал, старый! Не заметил очевидного.

– Я мучаю тебя, – извиняющимся тоном сказал Никс. – Вечно спешу как на пожар. Скажи, если невмочь.

Вмочь, невмочь – кто же уступает свое место подле государя?

– Значит, твое слово: короноваться? – Император и сам все знал. Тянул, не хотел обидеть брата. Но всему есть предел.

Теперь вот ехали в Варшаву.

* * *

Шенбрунн

Герцог Рехштадтский не сказал Меттерниху ни да, ни нет. Такой же пугливый тугодум, как его венценосный дедушка. Хорошо хоть канцлеру удалось внушить последнему здравую мысль назначить внука капитаном в лейб-гвардии Драгунский полк. Парню стоит выйти из резиденции, пообщаться с офицерами. Не одного же его посылать в Краков! Всюду нужен

глаз да глаз. Пусть этот глаз будет австрийским. Поедут и секретари, и дипломаты, и военные. Много ли поляки могут сами?

Графиня Вонсович считала, что много. Она прибыла в Вену поддержать миссию Бржездовского и поселилась вместе со вторым супругом и младшим сыном от первого брака, юным графом Морицом Потоцким, в одном из самых красивых особняков столицы. Всем напоказ. Каждый вечер мать об руку с юношей являлась в опере, поражая публику своими туалетами и гордясь, что выглядит почти сестрой семнадцатилетнего мальчика.

Сплетники называли юношу ее бастардом от графа де Флао, побочного сына Талейрана¹⁷. Чего она ничуть не стыдилась. Ужас, какая полька! Мориц считался внуком величайшего из министров Бонапарта, в честь которого и получил имя. Он точно был живым доказательством – мостом – между Францией и Польшей, воплощал в себе неразрывный союз.

Франц солгал, когда сделал вид, будто впервые слышит о короне. Напротив, его уже с месяц осаждали и даже атаковали поляки. Подкарауливали в аллеях парка, кидались к ногам, рассказывали о бедах родины и смотрели так, будто он – единственный, кто может их спасти.

Мориц был до поры до времени в стороне от общего ажиотажа. Словно не хотел раздражать принца. Соблюдал европейскую деликатность там, где остальные сарматы валили напролом. Наконец, и он, по требованию матери, вступил в игру. Подстерег Франца на подступах к Глориетте, у фонтана Нептун, который низвергал каскады воды по нагромождению белых мраморных фигур тритонов и русалок. Ничего от спокойствия версальских вод. Все грохочет, блестит, переливается, катится с горы, дробится и брызжет на зазевавшихся.

Мориц ринулся к отпрыгнувшему в сторону Францу. Тонконогая левретка, которую тот выгуливал, прыгнула в сторону, запуталась в живой изгороди, укололась и жалобно затявкала.

– Что вы меня подкарауливаете?! – взвился принц. – Сколько можно? Ваши соотечественники...

– Мои соотечественники в отчаянии, – не смутился Мориц. На взгляд принца, в нем было что-то чересчур много немецкого, а не французского. Светлые волосы, блеклые ресницы, кожа тонкая, с веснушками. Это при черноволосой матери! Неужели граф де Флао, любимец стольких женщин, рыжий?

– Вы должны спасти нас, – молил молодой граф Потоцкий. – Только вы, сын великого отца, можете избавить Польшу от ненавистного ига.

Франца давно бесила сарматская экзальтация.

– Мой великий отец потерял все, уступив уговорам польских союзников и отправившись в поход против Московии.

Мориц был удручен. Его отталкивали, причем самыми разумными аргументами. Говорили правду.

– Что же нам теперь делать? – простосердечно спросил он. – Вся наша надежда на вас. – Юноша отступил от собеседника и, как бы извиняясь за нападение, взялся выпутывать левретку из куста. За что был тут же укушен ею. Мстительная дрянь цапнула всерьез. Бедный граф отдернул руку, с пальцев капала кровь.

Франц вытащил свой платок.

– Вот, перевяжите. Сразу с прогулки пойдем к лейб-медику. Возможно, вам нужны уколы.

Мориц сочно расхохотался.

– Уколы? От собаки? А когда вас лошадь лягнет, вы тоже бежите к доктору?

Франц насупился.

---

¹⁷ Талейран-Перигор князь Бенкевентский Шарль Морис (1754–1838) – министр иностранных дел при Наполеоне I, от чьего имени происходит современное понятие «толерантность». Стал знаменит своим умением примирять самые разноречивые интересы и умением всегда вовремя переходить на сторону победителей.

– Смотря как лягнет. Может же и кость сломать.

– Не бывает, – уверенно заявил Мориц. Хотя всем известно: бывает и еще как! – Лошади просто так не лягаются. Значит, вы их чем-то напугали.

– Собаки тоже просто так не кусают, – парировал принц. – А если у нее слюна ядовитая?

– Слюна? – не понял Потоцкий. Он подхватил визжавшую левретку за ошейник и поднял в воздух. – У тебя слюна ядовитая? Ах ты, чучело!

Последнее было сказано почти с умилением и подкупило сердце принца. Франц сделал молодому поляку знак, и оба уселись на мраморном бортике фонтана. До них добрызгивала вода.

– Вам действительно так плохо живется? Что они делают, эти русские?

Мориц поднял на принца совершенно несчастные глаза.

– Мы их ненавидим. Что бы они ни делали. Просто мерзость. Я не знаю, как объяснить.

Не надо объяснять. Затяжной приступ взаимного отторжения, как часто случается у народов, веками живущих бок о бок, но не становящихся одним целым. Этим двум помешала вера.

– Вы католик? – спросил Франц у графа Потоцкого.

– Да.

– Верите?

– Я француз.

Хороший ответ. Все сразу ставит на свои места. Кровь Талейранов, епископов Перигор, мешает обскурантизму.

– А ваша матушка?

– О, она весьма религиозна. Как все польки. Впрочем, тоже на французский манер.

Что значили последние слова, Францу вскоре предстояло узнать. А пока он протянул Морицу руку, приглашая следовать за собой на прогулке.

– Вы единственный, кто не стал от меня ничего требовать, – сказал принц, – не стал настаивать. А когда я не дал ответа сразу – проклинать меня за жестокосердие.

Потоцкий улыбнулся как-то растерянно.

– Но ведь вы не должны были сразу... И какое вам, в сущности, дело до нас... Просто я думал, вам станет жаль моих соотечественников...

«В кои-то веки повезло встретить хорошего, без задних мыслей человека, – кивнул сам себе Франц. – Его, наверное, мать заставила. А сам он явно не из тех, кто легко распоряжается чужой судьбой. Большая редкость. Не так уж дурно было бы с ним подружиться».

* * *

19 апреля 1829 года. Шенбрунн

У католиков закончился Великий пост, и в ознаменование этого счастливого события балы в Вене грянули с особым размахом. Как дружные весенние воды. Императорский двор не мог ударить в грязь лицом. Праздника в загородной резиденции ждали с особым нетерпением, потому что он отмечал для горожан отъезд знати на дачи. А к этому моменту приурочивались широкие закупки съестного, потому и пекари-колбасники не сидели без дела, предвкушая барыши.

Дамы чаяли других удовольствий. Для них принарядиться по-летнему – многое значит. Никаких темных тонов, цветы только живые, ткани настолько легкие, насколько позволяют приличия. Графине Фикельмон предстояло облачиться в серебристо-розовое муаровое платье. Единственное украшение – брошь с камеей. Горничная завила ей волосы и подняла их черепашковым гребнем, сделав на макушке большой узел. Дарья взяла бумажный веер и записную книжку на ленточке. Готова.

Шарль-Луи зашел за супругой. Подали карету. До Шенбрунна не меньше сорока минут. В дороге молчали. Графиня попыталась было:

– Как тебе разговор у канцлера?

Но Фикельмон поморщился.

– Все без нас решено. Хотя, – он помедлил, – эти игры могут только погубить мальчика.

Когда карета остановилась и лакеи открыли двери, солнце стояло в зените. День сиял. Пришлось даже зажмуриться. В Вене никто не предается развлечениям на ночь глядя. Экипажи делали почетный круг по часовой стрелке мимо двух клумб, засаженных розовыми кустами, и уезжали на каретный двор. Нарядные пары следовали к Майдлинским воротам. Именно возле них и были распахнуты высокие двери, куда текла толпа приглашенных.

Шарль-Луи сделал супруге знак, и они с вереницей других гостей двинулись по лестнице вверх. Уже играла музыка. Легкие экосезы – то, что надо, пока публика собирается. Еще никто не танцевал. Все чинно слонялись по Малой Галерее и делали вид, будто рассматривают расписной плафон на потолке. Он был многофигурен и сложен, ибо каждый персонаж олицетворял то Справедливость, то Гений, то Снисхождение, то Величие империи. Дарья особенно понравился сидящий Марс, воровато заметавший тлеющие угли войны под мантию на плечах у Благополучия с рогом изобилия в руках.

– Очень поучительная картина, – улыбнулся Шарль-Луи. – Так здесь все и делается. Пламя распрей можно затоптать, но выгоднее его хранить, чтобы в нужный момент поделиться с соседями.

Двери в Большую Галерею отворились. Заиграл полонез, что означало появление императорской четы – старика Франца II и его четвертой жены, которые более не танцевали. Бал открывал эрцгерцог Фердинанд с супругой, несчастной принцессой Марией-Анной, которой было поминутно не по себе: гордиться ли положением мужа или сгорать со стыда за его убожество?

На фоне этих наследников герцог Рехштадтский выглядел молодцом, несмотря на крайнюю худобу и впалую грудь. Его не впервые показывали публике. Приглашали на выходы и гуляния, разрешали присутствовать на балах. Сегодня он был нарасхват. Дамы беспрестанно выбирали его в мазурке. Стройный и ловкий, он хорошо танцевал, но совсем растерялся от неожиданного внимания. Никто никому ничего не говорил, однако новость о том, что этот затворник может стать новым польским королем, мигом обежала город.

Вокруг принца сменялись разноцветные волны шелка, колыхались перья райских птиц. Казалось, что люди по-настоящему увидели его только теперь, старались сказать комплимент, завладеть вниманием, оттереть друг друга... И все будто радовались, оценив юношу, еще вчера им ненужного.

Дарья не отстала от других и откровенно перебила тур вальса у распутившей было паруса графини Вонсович. Франц послушно пригласил мадам Фикельмон. Та кружилась легко. Герцог на первый взгляд тоже. Только вблизи молодая дама услышала, как у него сбивается дыхание. Оно с едва приметным хрипом вырывалось из полуоткрытых губ, красных вовсе не от природы, а от мокрого осадка, который поднимался из легких и оседал во рту.

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Конечно. – Франц улыбнулся. Но на его зубах Дарья заметила ржавую пленку.

– Вашему высочеству не следует утомляться.

– О! – рассмеялся партнер. – Вы сами знаете, что мне пророчат весьма утомительное будущее.

«Вам пророчат корону», – хотела сказать графиня, но вместо этого спросила:

– А чего хотите вы?

Принц поднял брови.

– Кажется, вы первая, кто обеспокоился такой мелочью.

– Значит, вы еще не решили?

– Я сам ничего не решаю, – устало бросил юноша. – Но я могу не захотеть. Что они все тогда станут делать?

Мадам Фикельмон отошла от принца в полной уверенности, что его будущее пока туманно. Но, обернувшись, увидела, что ее место возле герцога Рейхштадтского заняла роскошная графиня Вонсович. У той имелись свои планы, и, судя по восхищенному выражению лица Франца, тот не собирался им противиться.

Анна вступила в зал, полный дам в пышных ампирных туалетах, облаченная по моде Первой империи¹⁸. На ком другом такой наряд выглядел бы старомодно и нелепо, но дерзкой польке только придавал прелести. Весь облик графини кричал о славе Франции и Бонапарта, о днях юности и надежд. Толпа с ропотом расступилась перед ней.

Таких женщин герцог еще не видел. Венец из алмазных звезд. Алое бархатное платье, перехваченное высоко над талией. Белые груди, как две луны, упавшие с небес и лежавшие на подносе высокого корсета, в обрамлении ломких кружев. Львица, вышедшая побродить по саванне. Принц был совершенно беспомощен перед ней.

– Ваш сын показался мне очень приятным собеседником, – пролепетал он, чтобы хоть что-то сказать.

Анна улыbnулась с легким упреком: о сыне ли надо заводить речь, напоминая даме ее возраст и прошлые ошибки?

– Мори-ис, – протянула она на французский манер, – да, он очень хороший мальчик. Весь в отца, но, – графиня выдержала паузу, – но не в деда, слава небесам. Так что вам незачем бояться предательства с его стороны.

Франц понял, что речь о Талейране, и очень смутился, будто графиня без тени раскаяния признавалась ему в грехах, более того – гордилась ими. Носила, как орденскую ленту.

– Ну же, – поддразнила она его, – ваш отец никогда не боялся общественного осуждения. И никогда не оправдывался.

– Вы знали моего отца?

– О-о. – Глубокий вздох должен был показать собеседнику, как многого он еще не ведаёт об окружающем мире, как наивен, доверчив, и как глупо упускать шанс на просвещение. – Ваш отец не позволял себе медлить и колебаться там, где речь шла о победе. Над врагом или над женщиной – все равно. Ведь это, в сущности, одно и то же.

Графиня непозволительно близко для танца приникла к кавалеру и сплела свои длинные пальцы с его.

– У вас руки принца, – прошептала она. – У него были пальцы солдата, артиллериста. Короткие, с волосками на косточках. А остальные достоинства?

Тут Франц смутился так, словно его раздели прямо на паркете Большой Галереи и заставили кружиться голым. Разве можно быть такой бесстыдной?

Нужно. Когда речь идет о будущем вашей родины. Графиня повернулась вокруг своей оси, заставив декольте платья на одном плече совсем сползти, и бедняга Франц рассмотрел продолговатую красную ягоду – один раз ее сиятельство кормила сама, чтобы придать соску форму длинной виноградины, такова была мода.

– Назначьте мне свидание сегодня вечером, – потребовала она.

– Но как вы попадете... – еще сильнее растерялся Франц.

– Об этом не стоит беспокоиться. Буду ждать вас у дверей Парадной опочивальни. – Графиня снова повернулась, держа кавалера за кончики пальцев, и оставила его в полном онемении от своей дерзости.

---

¹⁸ Первая империя – времена Наполеона Бонапарта, ставшего монархом в 1804 г., – ознаменовалась античным силуэтом платья. К 1820-м гг. мода изменилась в пользу широких юбок, появились наряды à la царствование Людовика XIII.

Со стороны за парой наблюдал канцлер, подошедший к императору и отвлекавший его внимание от суетной супруги.

– Наш внук только что протанцевал с графиней Вонсович? – осведомился старейший из монархов Европы. – Вы полагаете, это неопасно? Сия дама годится ему в матери, а ведет себя...

«А ваша четвертая жена годится ему в сестры. Мир – странная штука».

– Возможно, мальчик нуждается именно в материнской любви, – вслух проронил Клеменс. – Поэтому ищет внимания дам постарше. Нет, я не считаю графиню Вонсович опасной в свете тех задач, которые встанут перед его высочеством на благо австрийской короны. – Меттерних поклонился, но не столько императору, сколько в пространство, где, по его разумению, находилось имперское благо. – Вы не находите, сир, что пора лишить вашего внука невинности? Политической, я имею в виду. Пусть мужает. Опытная женщина в таком деле лучше бояливой неумехи.

Венценосный дед не возразил. После победы над Бонапартом он предпочитал ни о чем не спорить с канцлером, всецело доверяясь его чутью. Но родной внук... Сначала Марию-Луизу отдали в жертву Молоху. Теперь ее сына предстоит вручить полякам – этой ветреной, неверной нации, которая сегодня просит короля, а завтра предаст его.

* * *

Шенбрунн

Графиня проснулась на белых льняных простынях, завязанных «французским узлом». Вот что всю ночь впивалось ей в спину! На ягодицах, наверное, отпечатался рисунок полотна.

– Как вы это выносите?

Франц склонился и поцеловал ей руку.

– Хочу напомнить, я здесь не сплю...

Мадам Вонсович огляделась вокруг и разом вспомнила все приключения вчерашней ночи. Они осквернили Парадную опочивальню Габсбургов! Взбили покрывало на постели, в которую от начала времен никто не ложился!

– Вы исполнили мою мечту, – принц снова коснулся губами ее ухоженных рук. – Целибат нарушен.

Почему-то она сразу поняла, что речь не о нем – таких пошлых замечаний юноша не допускал, – а о комнате, предназначение которой – подавлять своим величием. Зал напоминал пенал, становясь от темно-малиновой драпировки стен еще уже. Никогда графиня не видела столько алого бархата и золотого шитья в одном месте. Стенные панели, обрамленные виноградными листьями. Балдахин и покрывало так плотно затканы металлической нитью, что поляны винного полотна выглядят почти незаметными.

На это страшное, неживое покрывало выкладывали новорожденных принцев и принцесс в белых кружевных крестильных платьицах. А мимо кровати двигалась нескончаемая толпа подданных, пришедших убедиться в плодовитости владык, а заодно и поглазеть на их богатство. Бедные крошечные комочки плоти в этих жутких, холодных апартаментах!

Были еще и невесты. Если принцесса дома Габсбургов уезжала в далекие края и на венчании супруга изображал посол, то брак консумировался в этой опочивальне. Невесту в подвенечном платье клали на левую сторону бескрайнего ложа, посол коленом касался правой стороны. Сколько печальных дев с замиранием сердца молилось, глядя на дубовые листья: «Пусть мой нареченный не окажется слишком плох! Пусть я буду счастлива!»

Мать Франца тоже. Вот почему его всегда бесила эта комната. Хотелось взбить покрывало, расшвырять церемониальные подушки. Даже обрушить полог.

До полога они с графиней не добрались. Но в остальном вполне преуспели. Франц ушел с бала в половине одиннадцатого, протанцевав с дюжиной партнерш, лица и голоса которых

слились, образовав щебечущую напудренную стену. Принц поднялся по лестнице, миновал по пути к своим апартаментам анфиладу парадных залов. Почему приемные комнаты принято отделывать с таким богатством – мореный дуб, шелк обивки, китайские миниатюры, этрусские вазы... А внутренние помещения – какое убожество! Кто здесь живет? Лавочник? Мещанин? Король?

Если ему повезет, он будет сам купаться в роскоши. Никаких дырявых подкладок! Достатка напоказ и нищеты для внутреннего употребления принц наелся на всю жизнь...

Тут Франц буквально налетел на графиню. Она порхнула ему навстречу с приставного табурета у дверей Парадной опочивальни. Колышущееся совершенство. Анна была как шторм, как ураган, обрушившийся на ни в чем не повинный остров. Она взяла его штурмом, а он рад был выкинуть белый флаг. Ну наконец-то! Прощайте постыдные упражнения и горькие до слез мечты.

– А я уже думала, что придется отправлять к вам мою дочь Натали. Она так невинна, – прошептала графиня, когда первый опыт состоялся.

«Невинна? К дьяволу!»

– Она невеста графа Романа Сангушко, в будущем вашего верного подданного.

Анна не допускала и тени сомнения, что Наполеон-Франсуа взойдет на польский престол. А почему он сам должен допускать их? За эту ночь графиня будет щедро одарена. Ее родственники тоже. «Надеюсь, Мориц не имел ничего против?» Грустно было бы стреляться с таким хорошим парнем. Куда лучше иметь его среди союзников.

Графиня обняла нового возлюбленного за шею и притянула к себе на грудь. Он оказался ненасытен и дерзок, этот сын корсиканца. Ничего от августейшей родни. А притворялся таким вежливым и отстраненным! Значит, вся его скованность – напускная. Что ж, это хорошо, ведь сарматы сами варвары, их страсти лишь обузданы латинством, но отнюдь не искоренены. Что было бы, прими они веру восточных еретиков? Стали бы русскими? Упаси Бог!

– Я хотел спросить... – Франц лениво потянулся в постели. – Этот царь Николай... Что он за человек?

Анна поморщилась. От навязчивых утренних лучей уже не спасали даже тяжелые гардины на окнах.

– Неужели с ним нельзя договориться?

– Договор с дьяволом, – отозвалась она. – Россия всегда желает больше, чем имеет, и всегда одержима похотью новых завоеваний.

«Прямо, как вы, сударыня».

– Польша лежит ближе всех. Вот и причина наших бедствий. Они столько раз приходили убивать, грабить и насиловать нас. Знаете, как Суворов¹⁹ в прошлом веке брал Варшаву?

Конечно, Франц не знал. Пришлось рассказать о предместье Прага, где осаждавшие город русские войска устроили резню, а командиры не удерживали солдат в надежде, что со стен защитники столицы увидят участь братьев и устроятся.

– Сутки продолжалось кровавое побоище. А мы могли только смотреть. Через день ворота в город открылись. Все сложили оружие.

Графиня растерла ладонями набежавшие на щеки слезы.

– И русские, войдя, вероломно всех перебили, – закончил за нее Франц.

– Нет, – нехотя созналась Анна. Ей было почти стыдно, что тогда Суворов сдержал слово: никаких виселиц. Для тех, кто сложил оружие, конечно. – Но какое это имеет значение?

Франц усмехнулся. Он пока не знал жизни и не имел права судить. Но, по слухам из Венгрии или Сербии, турки, когда слово дано, не стесняются забрать его назад. Ведь дано

---

¹⁹ Суворов Александр Васильевич (1729–1800), граф Рымникский, князь Италийский, генералиссимус, не потерпел ни одного поражения. В 1794 г. взял Варшаву, столицу Речи Посполитой, где восставшие поляки вырезали всех русских.

неверным. В случае с русскими – схизматикам. Казаки поступают так же. Маршалы отца не церемонились в Испании, за это не церемонились и с ними. А сам великий Бонапарт – ни в Италии, ни в Египте, ни в Московии. Говорят, эти самые храбрецы-сарматы служили ему расстрельными командами. Хотя это не извиняет ни грабежей, ни насилия.

– У меня только один вопрос, – краешком одеяла Франц стер слезинку со щеки графини. – А почему защитники Варшавы не пришли на помощь жителям Праги? Как могли смотреть на избиение соотечественников, сами укрывшись за стенами?

Анна задыхнулась от удивления. Такое просто не приходило ей в голову.

– Но русских было слишком много! Они уже разбили наши силы, пленили Костюшко²⁰. Их никто не мог бы одолеть!

Принц кивнул.

– Простите, сударыня, за мой неуместный темперамент. Одной половиной души я расудителен, как немец. Другой горяч, как француз. Я бы просто не выдержал, прыгнул со стены с саблей в руках, и будь что будет.

– В вас говорит кровь отца, – восхитилась графиня. – У всех поляков темперамент под стать, им нужен только вождь. Мы истинные французы, но заброшены очень далеко.

– Нам пора, – принц подал ей руку. – Застелить покрывало, как было, смогут только слуги. Но они, надеюсь, будут молчать. Не столько из-за денег, которых я им, конечно, не дам. Сколько из-за подавляющего их разум святотатства. – Оба засмеялись. – Легче закрыть глаза и сделать вид, будто ничего не происходило.

---

²⁰ Костюшко Тадеуш (1746–1817), национальный герой Польши, руководитель, «диктатор», восстания 1794 г., ставившего целью вернуть Речи Посполитой земли на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, отошедшие по разделам к Российской империи.

Глава 3. Образ в чаше

Дорога на Гродно

Государь спал. Александр Христофорович мечтал о сне. Нервы.

Промучившись часа два, он встал, накинул на плечи шинель поверх исподнего и вышел в соседнюю комнату. Благодарение Богу, там нашелся стол. Не везде на станциях есть. А император требует останавливаться именно там, где ночуют проезжающие. Чтобы знать.

Да что тут знать? Клопов полна перина. Тараканы маршируют от печи к лавке и обратно. И здесь он хочет строить шоссейные дороги! Добро.

Бенкендорф затеплил сальную свечку. Разложил перед собой бумаги из походных портфелей. Вот нужное. Который год Жандармский корпус²¹ ведет откровенные войны в бывших польских провинциях с шайками перебравшихся на нашу сторону разбойников. Сытнее вам тут, робята? Весь Витебск уже обожрала и Полоцк тоже. Ну? Каковы успехи? Отгеснили в Виленскую губернию. Ай, молодцы! Так Вильно – тоже город Российской империи. Продолжаем.

Отложил. Вышел на крыльцо. Раздышался. Вернулся к столу.

За окном забренчал колокольчик. Чьи-то кони встали с топотом и бряканьем сбруи. Со звонким, как чиханье, «тпру» ямщика. Хорошо не с посвистом. Государя разбудят!

Дверь распахнулась. Александр Христофорович уже готов был обрушить молнии без грома на голову вошедшего. Но перед шефом жандармов возникла рослая, почти с него самого, дамская фигура в легкой весенней тальме – может, и мех, но рыбий, с одного взгляда видно: шили в Европе, где наших холодов не бывает.

– А я думала уже не застать вас.

– Долли... – Бенкендорф сел обратно на стул. – Ну ты гоняешь...

* * *

Шенбрунн. Парадная опочивальня. Утро 20 апреля

Графиня Вонсович спустилась с кровати. Царственным движением накинула себе на плечи, как шаль, широкий белый офицерский шарф, которым по форме вчера была стянута талия принца. Осторожно отогнула край шторы и глянула в окно.

Со второго этажа был хорошо виден зеленый Лабиринт, расположенный по правую сторону за клумбами партера. Высокие, выстриженные шпалерами кусты образовывали геометрический узор вокруг старого раскидистого платана, который охватил корнями небольшой холм и скрывал за древесными лопастями, как за ребрами, своего лоснящегося тела всех любителей предаваться занятиям, недозванным в императорской резиденции.

Один такой «нарушитель» только что выглянул из-за дерева и был, мягко говоря, не полностью одет. Сверху хорошо просматривалась сердцевина зеленых зарослей. По одному из живых коридоров спешила дама, оправляя дорожное платье на высокой фигуре.

– Да это же старина Клеменс! – с крайним удивлением произнес принц. – Воистину сегодня день сюрпризов! Не думал, что он на такое способен. У него же скоро свадьба!

– Одно другому не мешает, – наставительно сказала графиня, приобнимая любовника. – Но так, чтобы прямо в Лабиринте, у всех на глазах!

– Как низко он пал! – Франц почти присвистнул, чего не позволил бы себе в присутствии самого канцлера. – А кто эта дама? Вы ее узнаете?

²¹ Жандармский корпус создан в 1826 г. Включал 4 тыс. человек. Выполнял функции внутренних и пограничных войск.

Анна прищурилась. Ей показалась знакомой высокая тощая фигура. Но та слишком быстро скрылась из глаз за зелеными спинами кустов. Графиня наморщила лоб. Старое, очень старое, смутное воспоминание. Где-то она уже видела подобный разворот плеч, манеру держать голову и даже не по-дамски широко ставить ступни на землю, будто дорога вот-вот выскользнет у нее из-под ног.

Конечно, видела! Но давным-давно, и поэтому не могла вспомнить.

Нет, не поэтому. Анна Потоцкая²² никогда не встречалась лицом к лицу с княгиней Ливен, женой русского посла в Лондоне, но более чем хорошо знала ее брата Александра Бенкендорфа, теперь правую руку царя. А когда-то просто беспечного полковника, встреченного ею на бесчисленных дорогах. Было большее? Анна не помнила, не желала помнить. Все еще сердилась. Как он мог предпочесть ей свою постылую верность постылому повелителю постылой страны?! Граф де Флао²³ поступал иначе. Но, возможно, потому что тогда у Франции и Польши билось одно сердце в груди?

Ее сын, сын де Флао, внук великого Талейрана, временами так остро напоминал матери об этом случайном любовнике – минутном, слов нет, но, как оказалось, очень важном в ее жизни.

И теперь эта тень, ускользавшая по зеленым тропинкам от Лабиринта, словно привидение, будила прошлое. Неосознанное и грозное. Как будущее. Столь же грозное – это графиня уже понимала. Понимала ясно, в отличие от наивного мальчика, стоявшего рядом с ней.

Понимал ли то же самое властный мужчина, прятавшийся за платаном и поспешно поправлявший шейный платок? С кем он только что провел ночь? Кто эта женщина? Мгновенная прихоть великого канцлера? Назло Мелании? Или...

Графиня не знала, что подумать, и если бы ей сказали правду, была бы поражена. Да и кто бы поверил? Сам Клеменс оказался к этому не готов. Самая желанная из всех дипломатических гранд-дам очутилась в его объятиях, чтобы снова исчезнуть. Как три года назад, когда она прибыла в Вену инкогнито и даже пробралась на Масленичный бал. Но разве один и тот же сон повторяется дважды?

Он и не повторился. Княгиня Ливен или «мадам-посол», как ее именовали англичане, официально была с Меттернихом в разрыве. Ведь их дворы теперь разделили свои интересы. Но неофициально... О, они могли многое обсудить, даже оставаясь врагами!

Канцлер только что закончил церемониальный, очень медленный вальс с одной из принцесс Монтина. Она танцевала недурно, но смотрела на Меттерниха, разинув рот, как на кусок миндального пирожного. А он, признаться, от этого устал. И был уверен, что всему на свете предпочел бы тихое кресло у камина. Скрипенье пера по бумаге. Тафтяной колпак с кисточкой. И воспоминания... В которых по-прежнему видел себя хищным красавцем, способным обводить вокруг пальца одних сильных мира сего, а другим навязывать свою волю. Разве Клеменс до сих пор не делает этого?

Лакей в белой ливрее возник перед ним и протянул на позолоченном подносе записочку. Маленький кусочек картона – ни подписи, ни пометы о времени. *«Вы должны мне еще полторы сотни писем».*

У канцлера кровь прилила к мозгу, и он испытал мгновенный приступ мигрени. У него что-то требуют? После того как бросили *его*? Впрочем, не по своей воле, а из дипломатиче-

---

²² Анна Вонсович, в первом браке Потоцкая, урожденная Тышкевич (1779–1867), польская аристократка, внучатая племянница последнего короля Польши Станислава Августа Понятовского. О романе с ней Бенкендорфа смотри книги автора «Личный враг Бонапарта» и «Без права на награду».

²³ Флао де Билларди Огюст, Шарль Жозеф (1785–1870), побочный сын Ш. М. Талейрана, французский генерал, состоял в связи с королевой Голландии Гортензией де Богарне, считался настоящим отцом Луи Шарля Наполеона, будущего Наполеона III. Результатом его романтического чувства к графине Анне Потоцкой называли ее младшего сына Маврикия (Морица) Потоцкого.

ских резонов. Тем не менее подобных измен Меттерних тоже не прощал. Долли называла его отзывы о покойном царе «гасконадами» – бахвальством! Она осмеливалась говорить премьер-министру Англии герцогу Веллингтону²⁴, что благородный человек канцлер Меттерних умер! Остался только интриган и лжец! Она вредила ему, где только могла! Она... И вот теперь эта женщина снова тут? Неотвязная, уверенная, что ее примут во что бы то ни стало. Что она так драгоценна для него... И он даже не спросит...

Клеменс опомнился уже на лестнице. Значит, весь путь от Большой Галереи до первого пролета он преодолел, даже не осознавая, что делает. Хорошо!

Усилием воли Меттерних заставил себя остановиться. Оглядеться – никто не видит? И только потом медленно, через силу продолжил путь. Со стороны могло показаться, что канцлер идет нехотя. На самом деле он прилагал все душевные силы, чтобы не бежать. Сдерживал каждый шаг. Хорошо хоть лестница не передняя!

Боковая дверь западного корпуса распахнулась. Клеменс вышел на крыльцо. Чуть впереди, за усыпанной розовым гравием дорожкой начинались фигурно выстриженные кусты. Из-за липы-подростка с круглой кроной, почти не скрываясь, выглядывала рослая дама в легкой горностаевой пелерине. Капюшон был накинут на голову и скрывал лицо.

Меттерних узнал ее сразу. Три года ничего не изменили. Хотя княгиня и жаловалась на здоровье, уверяя, что рождение пятерых детей – форменное безрассудство, что дамы увядают быстрее мужчин... Да, да, наверное. Но не их случай! Он никогда не интересовался, сколько ей лет. Никогда не задавался вопросом, красивая она или нет. Просто знал: на свете есть *его* женщина. Мир несправедлив. Им не быть вместе. Но эта женщина есть.

Что же до Дарьи Христофоровны, то она закрыла для других свое сердце на множество замочков, как дамский секретер. И будет до последнего вздоха вести игру против него, заковавшись в доспехи и умирая под ними от желания. От страсти к противнику.

Меттерних сознавал это и превращал в свое единственное преимущество. Хотя преимущество мнимое. Потому что он сам умирал.

– Долли... – Канцлер поспешил к полосе деревьев.

– Доротея, если ты не против. – Она взяла его за руку, чуть только зеленая сень сомкнулась над их головами. – Итак, где остатки моей корреспонденции?

Вместо ответа Клеменс крепко сжал ее локоть и притянул к себе.

– Ни о чем не буду говорить... Ничего не хочу слышать. Пока ты... Пока мы... – Он сознавал, что плохо владеет собой.

Княгиня Ливен растерялась. Она была вовсе не готова к быстрому нервному возбуждению любовника. Возраст. Разве Долли – девочка? Их золотые деньки в прошлом. Канцлер сам от себя не ожидал. Перед близостью с Меланией пил ложку полынной настойки, ел устриц. Просматривал альбомы откровенных гравюр. Чтобы не ударить в грязь лицом, не разочаровать. А тут с места в карьер. Не странно ли?

Более чем странно. «Мадам посол» смотрела на него чуть насмешливо, но с сочувствием. Неужели она излечилась от сердечного недуга? Дело чести доказать ей обратное!

– Один поцелуй. – У Меттерниха не было иного способа высечь искру. Но губы женщины остались холодны, как атласные лепестки искусственной розы.

– Так мои письма?

– Никогда не поверю, что ты приехала только за ними, – с досадой бросил Клеменс. – Прodelать такой путь ради кучки бумаги!

Долли смотрела на него. Ее старый любовник был готов признать, что она сорвется с места, переплывет пролив, будет несколько суток гнать лошадей ради него. Но ради ком-

²⁴ Веллингтон Артур Уэлсли (1769–1752), герцог, фельдмаршал, победитель Наполеона в битве при Ватерлоо в 1815 г. С 1827 г. – главнокомандующий английской армией. В 1828–1830 гг. – премьер-министр.

прометирующих ее посланий любовно-дипломатического свойства... Нет, никогда! «Надо ему подыграть. Этот человек поскользнется только на собственном тщеславии».

– Положим, что *не только* ради них.

Глаза Клеменса победно блеснули. Как все-таки мужчины предсказуемы! Ей даже стало жаль его. Да и вправду ли она оставалась такой равнодушной? Можно ли не ответить, когда тебя так страстно, так очевидно хотят? Когда тебе так рады?

Годами Дарья Христофоровна не получала от мужа и тени подобного взгляда. Да и не считала возможным получить. Она ведь немолода, ей не пристало. Пора уже облачиться в чепец и накинуть на плечи уютную шаль – одну из тех кашемировых диковинок, которые были так модны в дни ее юности? Нет, дама все еще завивается, шнуруется и танцует. А ей за сорок! Неприлично.

«Я, по крайней мере, не строю из себя молодуху, – сказала Долли. – И рублю дерево по себе. Мое дерево». Эта мысль ее позабавила: несмотря на политические невзгоды, расхождения держав и свои дерзости в адрес австрийского канцлера, она все еще считала его «своим деревом». Как жаль, что сближение держав мимолетно!

– Долли, ты еще помнишь меня? – Клеменс сжал косточки ее корсета так, что они захрустели на спине. – Помнишь нас?

Чтобы вспомнить, от корсета придется избавиться. Или нет? С его опытом он умел быстро ослабить шнуровку и выпустить птицу на волю. Весна, пора открыть клетку.

Они быстро перебежали от лип под защиту колючей стены Лабиринта. В ее нарочно выстриженных нишах возвышались садовые скульптуры. Их давно не очищали от молодых побегов, и кое-где ветки уже охватили склоненные головы античных героев и торсы богинь.

– Я хотела бы остаться здесь мраморной нимфой, – прошептала как бы про себя княгиня, будто и не рассчитывая на тонкий слух спутника.

– Только Минервой. – Он был честен: не сказал ни Венерой, ни Психеей. – Девой Палладой, это тебе под стать. Мудрой и беспощадной.

«Ну, пощади же меня, пощади!»

Они очутились в сердцевине Лабиринта. Клеменс знал короткую дорогу и никогда не путался. Втолкнув Долли между двумя лопастями платана, он начал немилосердный допрос, одновременно с ласковым, но откровенным нападением.

– Кто будет новым английским премьером, когда Веллингтон окончательно утомит парламент своей прямоотой?

– Лорд Грей, полагаю.

– Ваш любовник?

– Платонический.

– Не лгите.

– Платонический.

О да! Он готов поверить. Голодна, как тигр в зверинце. А муж почему не трудится?

– Мадам, заведите себе кого-нибудь и немедленно, – потребовал канцлер. – Воздержание портит здоровье.

Долли осторожно укусила его за нижнюю губу.

– Меня всегда удивляло твое умение выпячивать губы. Ты же не Габсбург.

– Я – нет. Но бабушка или мать могла на мгновение привлечь внимание одного из высочеств. – Клеменс самодовольно хмыкнул. Столько лет защищая августейший дом, он считал его своим и почти не скрывал досады, что сам не сидит на троне. Жаль, да?

– Как ты тут очутилась? – даже теперь Меттерниха интересовали подробности. – Не говори, что письма виной.

Долли вскинула голову, стараясь уберечь прическу от его рук.

– Я проездом в Варшаву на коронацию.

– Ваш император намерен короноваться? – А то он не знал! Помимо официальных каналов есть дипломатическая почта, которую следует перлюстрировать. – Но польская корона в Кракове. А Краков у нас.

– Нет нужды, – Долли все-таки тряхнула головой. – Кого интересует корона бунтовщиков? Теперь для двух народов есть только один венец – русский императорский.

«Это мы еще посмотрим!»

– А твой муж? – вслух спросил канцлер. – Разве его отпустили из Лондона?

Долли покачала головой, уже склонившейся на его плечо.

– Нет. Он посол. Но я-то статс-дама императрицы и могу присутствовать. Было бы большой ошибкой пропустить такое зрелище.

Клеменс был с ней согласен. Он, конечно, не стал открывать своих карт. Русские играют в Польше одну партию. Просто грешно не играть другую. Но столь же грешно рисковать головой, которая ему так дорога!

– Когда будешь на церемонии, стой подальше от императорской четы, – предупредил он. – Мало ли что.

Казалось, княгиня Ливен не придавала словам любовника особенного значения. Куда больше ее интересовало то, что происходит сию секунду. А сию секунду Клеменс был на высоте. Значит, церемония коронации, Варшава, поляки, августейшая семья – подождут.

– Веллингтон намерен действовать против России? – шептал Меттерних. – Его поведение не кажется твердым.

– Он боится успехов Петербурга и хочет сохранить Турцию, – выдыхала княгиня вместе с его усиленными рывками. – Он пойдет даже на посылку в Дарданеллы английской эскадры, чтобы помешать падению Стамбула.

Меттерниху казалось, что он узнал важное. Канцлер мог завязывать шейный платок с чувством гордости за себя. Но Долли, уходя от него по длинной аллее Лабиринта, несла с собой нечто куда более ценное, чем известие об угрозе британского флота. В конце концов, такой оборот дел очевиден всякому опытному игроку.

«Стой подальше от императорской четы...» Ради этого стоило завернуть в Вену.

* * *

Дорога на Гродно

Кого Бенкендорф не ждал, того не ждал. Только сегодня вспоминал сестру в связи с дурными мыслями о цесаревиче Константине. Сказал бы: сон в руку, да нет сна.

– Тебе что, икается?

Долли подступила к ошарашенному брату с поцелуями.

– Мне от тебя, Шура, всегда икается. Ведь ты меня что ни день поминаешь.

– Я же не виноват, что Англия – наш ключевой противник, – развел руками Александр Христофорович.

– Так уж и противник? – Долли продолжала смеяться, но ее взгляд стал цепким. – В минувшую войну с Бонапартом была союзником, можно сказать, кассой. Один политик нам враг, другой может пойти на сближение интересов.

– А Англия в целом? – брат усадил ее на свое прежнее место за столом и пододвинул ногой табурет для себя.

Долли поколебалась.

– В целом Британия противостоит любому узлу силы на континенте. В этом и заключено европейское равновесие.

– Мы не только европейская держава. А Стамбул? А Тегеран?

Княгиня Ливен с неудовольствием поморщилась.

– Мировое равновесие. Англосаксы отвечают за него. Как мы – за устранение любой угрозы на материке.

«Боюсь, в Лондоне нас недооценивают. Но дурно то, что Доротея переняла этот взгляд. Она там слишком давно».

– Лондон можно удержать от враждебных действий? – быстро спросил Бенкендорф. – Склонить к сотрудничеству?

Долли задумчиво покачала головой.

– Пока есть общие интересы. Пока удастся вести с политиками торг и находить сговорчивых. Но это – как ходить по болоту: нет ничего устойчивого, прочного, надолго. В Лондоне политические перемены происходят быстро, вместе со сменой партий в парламенте и кабинета. Я начала думать, что только такая система достойна цивилизованного, уважающего себя общества.

– Ты видишь у нас цивилизованное общество? – Брат сгреб со стола бумаги и ссыпал их себе в портфель. – Как только, так сразу. Знаешь, я вообще глубоко сомневаюсь, что для нас годится островной опыт. Государь тоже.

– Он спит? – Долли кивнула в сторону двери. – Можно взглянуть?

Бенкендорф было воспротивился, но сестра, как в детстве, сделала такое плаксивое лицо:

– Я в ще-елочку.

Он не успел и слова сказать, как Долли оказалась у двери и легонько толкнула ее. Наружу вышел спертый сонный воздух. В темноте Доротея разглядела разметанную постель, запрокинутый подбородок и нос, энергично выдувавший маршевые звуки.

– Храпит?

– Когда как, – деликатно отозвался брат.

– Тяжело тебе, – признала княгиня, закрывая дверь.

– Не жалуюсь.

– Я вот зачем вас нагнала. – Долли наморщила нос, как делала всегда, когда старалась сосредоточиться. – По дороге я завернула в Вену. Инкогнито. Виделась с Меттернихом.

У Александра Христофоровича непроизвольно приоткрылся рот. Но вместо: «Как ты посмела?» – он выдал: «Что узнала?»

Долли прыснула. Сам такой, а еще делает вид, что сердится!

– В Польше на коронации возможно покушение. Кто и что именно должен сделать, мне не удалось выпросить...

– Пустое, – брат кивнул своим мыслям. – Зато я знаю. Не думал, что они решатся. Хотя и не исключал. Посол Татищев сообщил, что австрийцы готовят на польский трон своего кандидата. Даже хотят короновать его в Кракове.

– Но кто же может претендовать на корону? – удивилась княгиня. – Хотя родов, которые имеют право баллотироваться...

– Холодно, – прервал ее Александр Христофорович, словно они играли в прятки. – Их кандидат совсем далек от польских родов. Его именем они бьют сразу две карты. Прибавь французскую.

– Герцог Рехштадтский? – не поверила княгиня. – На коронации в Варшаве я должна держаться как можно дальше от августейшей четы.

Брат пожевал ус.

– Значит, покушение может захватить только ближний круг участвующих в церемонии.

– Я статс-дама и не могу отбежать очень уж далеко...

– Не взрыв. Не могу сказать, что рад это слышать.

– Почему?

– Для взрыва нужны серьезные приготовления, которые трудно скрыть. Ловить взрывников – милое дело. А вот кинжал... Кто будет облачен в достаточно широкую одежду, чтобы пронести в зал оружие?

Оба согласно захмыкали. Духовенство. Кардиналы.

– Полно об этом, – шеф жандармов считал нужным потрептать сестру, как грушу. – Твое мнение о нашем посольстве в Тегеране?²⁵ Насколько англичане причастны?

* * *

Шенбрунн – Хофбург, Вена

Престарелый император Франц любил внука от несчастной дочери больше остальных своих отпрысков. Говорят, подранок дороже родителям-скворцам, чем те, кого они могут поставить на крыло. В Шенбрунне много скворцов. По весне они устраивают в парке такой гвалт, будто им не хватает места! Но небо открыто.

Поселить внука здесь – подальше от утомительных столичных церемоний – была идея деда. Да он бы и не смог видеть, как его родной крови вместо стула пододвигают к столу табурет и сервируют не на серебре, а на фарфоре. Этикет непреложен. Тем более здесь, в Вене, на руинах древнейших имперских традиций. Габсбурги – не выскочки и умеют ценить римское наследие. Но как больно видеть бедного мальчика «ниже» всех за столом! На дальнем конце.

Тем не менее император правил не нарушал. А к внуку выбирался, как позволяли дела, то есть нечасто. Любовь – это не обязательно то, что происходит глаза в глаза. Заочно чувство не теряет ни остроты, ни силы, тем более что оно замешано на жалости.

Именно поэтому старый Франц собрался в загородную резиденцию для разговора. Меттерних темнит. Что там у них с Польшей? Неужели очередные промахи придется оплачивать головой Франсуа (про себя дед называл принца французским именем, тем более что и думал по-французски – таково воспитание). Но император с самого начала знал, что мальчик – разменная монета. Рано или поздно им придется пожертвовать. И от этого жалел еще больше.

Они говорили в желтом кабинете, чьи стены, оклеенные рисовой бумагой, конечно, имели уши. Но были куда менее проницаемы, чем стены Хофбурга.

– Тебе хочется к полякам? – осведомился старик, беря внука за руку. Его большие синие губы еще не тряслись, но уже заметно подрагивали, как и пальцы. – Я бы хотел пристроить тебя где-то на прочном основании. Меттерних – хитрец. Но если ты удержишься в Кракове, то от его опеки можно будет избавиться.

Юноша слушал внимательно, понимая, что дед заботится сейчас о нем, а не о делах короны.

– Я невечен, – со вздохом сообщил старик. – На кого ты тогда сможешь положиться? На мать?

«Я ей не нужен».

– На поляков? Я бы предостерег тебя от них, но по лицу вижу: ты сам все понимаешь. Трон во Франции занят враждебными тебе Бурбонами. Я думать не хочу, что они могут с тобой сделать. Не приведи Бог! – Дед сжал руку Франца. – Мне все равно, кто твой отец.

«А мне – нет», – подумал герцог Рейхштадтский.

– Так каково твое собственное мнение о короне в Кракове?

– Надо с чего-то начинать, – улыбнулся юноша, не сознавая, что повторил последние слова Меттерниха из беседы с ним. – Я слышал, поляки легкомысленны.

– Так и есть, – кивнул старый Франц. – Как солома, легко вспыхивают, но быстро прогорают. Однако даже их корона лучше, чем ничего. Международные договоры утверждают право

---

²⁵ 30 января 1829 г. русское посольство в Тегеране было вырезано толпой персидских фанатиков.

Петербурга владеть почти всеми землями Польши. Но, – дед поднял палец, – договоры меняются в зависимости от изменения политической реальности. А сегодня она такова, что царь может остаться без своих западных провинций. И ты усидишь на бумажном троне.

– Если поляки окажут достойное сопротивление...

– Они его не окажут, – остановил дед. – Нет, конечно, будут головокружительные подвиги и свист на всю Европу про героизм обреченных, но...

– Ты их не жалуешь?

– Я видел их в минувшую войну, – старик покашлял. – Извини. Опыт. Еще не было случая, когда они предпочли бы интересы короны своим собственным. К счастью, само твое восхождение на трон зависит не от них.

– А от кого? – удивился Франсуа.

– Поражу тебя еще больше, – императору приятно было искреннее удивление внука. – От персов.

Старик пронаблюдал, как у принца глаза полезли на лоб. Кажется, мальчик вообще не подозревал, что за пределами Европы что-то есть. Ах, жаль, мало он давал внуку уроков! Теперь тот хлопает длинными, загнутыми, как у Марии-Луизы, ресницами и не может связать очевидные нити. Как отпускать такого наивного ребенка в мир? Только чудо поможет!

– Все просто. Русские владеют Польшей. Но они же сейчас воюют с Турцией. Если бы турки побеждали, у тебя бы появился шанс: проигрыш царя ведет к бунту в присоединенных провинциях. Поляки закричали бы первыми, а заткнуть их у Николая не нашлось бы сил. Но, – старый Франц сделал паузу, чтобы внук хорошо понял сказанное, – турки, как всегда, не на высоте.

«Это те самые турки, которые осаждали Вену?»

– Теперь они не настолько грозны. Мы избегаем столкновений с ними. Русские менее благоразумны. Итак, они воюют, а в тылу у них есть Персия, где только что вырезали русское посольство во главе с послом. Если полыхнет еще один очаг войны на востоке – что вероятно, – русским будет не до Польши на западе. И тогда лови свой шанс. Понятно?

Внук ошалело кивнул. Раньше его не волновали такие тонкости. Он старался вырваться из-под давящей опеки – вот и все. А теперь выходило: за каждым шагом – целая стратегия...

– Но я тебя вовсе не за тем посетил, чтобы давать уроки политического равновесия, – император сделал рукой нетерпеливый жест. – Ты знаешь, что у нас в сокровищнице хранятся древние реликвии веры?

Юноша кивнул.

– Копье судьбы. Чаша, из которой Спаситель пил на Тайной Вечере. – Старый Франц не сказал: «Грааль». Незачем пугать ребенка. – Я слишком беспокоюсь за тебя. И ты – слишком необычное дитя. Поэтому, хотя и не в наших правилах обращаться к священным предметам с вопросом, нам все же стоит поинтересоваться твоим будущим. Я тайно собрал епископов, чтобы они позволили тебе после ночной литургии взглянуть в чашу. Едем.

Принц обомлел. Он никогда не рассчитывал на такой подарок. Да и не особенно верил в силу реликвий.

– А если я ничего не увижу?

Император покачал головой.

– Все видят. В тебе говорит безбожная кровь отца. Моя тетка, Мария-Антония, отправляясь во Францию, узрела свою отрубленную голову.

Юноша заколебался.

– А мать? Что она видела? И если видела, то почему поехала в Париж и вышла замуж за отца?

Старик снова покачал головой.

– Потому что она принесла себя в жертву ради родных и короны Габсбургов... Ты меня не понял. Люди видят не будущее, которого можно избежать, сделав иной выбор. Они видят свой крест. Взгляни и ты на свой.

Второй раз уговаривать не пришлось. Франсуа, по наследству от матери, имел страсть к таинственному, хоть и скрывал это. Камердинер Гастон собрал его за одну минуту. Даже волос завивать не стал. Гоже ли заставлять императора ждать?

Закрытая карета доставила их в столицу. Не к кафедральному собору, конечно, где выставлено деревянное распятие с восковой головой, из подбородка которой на удивление легковосприимчивых горожан каждый год растут волосы. Так что после Пасхи архиепископ постригает Иисусу Христу бороду золотыми ножницами.

В крипте под дворцом шла служба. Круглый романский храм был вовсе не роскошен – напротив, тесен, чтобы едва вместить паству. Поэтому привычных скамей не было. Дед уселся на резной императорский стульчик. Внук выслушал литургию стоя.

Началось причастие. Только для двоих августейших особ. Франц привык, что дают одну облатку. Но сегодня тело и кровь Христовы соединились вместе.

Архиепископ вынес и показал собравшимся Чашу. Ту самую. Агатовую. Похожую на блюдо. Да, она была римской. Да, в ней красной пленкой застыло вино. Но Франца не оставляло ощущение чего-то бутафорского. Ненастоящего. Точно перед ним разыгрывали спектакль.

Было стыдно самого себя. Эти люди так серьезны! Они считают, что происходящее исполнено смысла! А он? Как же увидеть, если заранее не испытываешь ни веры, ни трепета? Герцогу поднесли чашу и, прежде чем положили облатку на язык, жестом пригласили взглянуть.

Франсуа наклонил голову. Перед ним слабо покачивалось гладкое озеро в агатовых берегах. Он увидел свое бестрепетное лицо, плотно, как чужой рукой, застегнутый мундир, ленту святого Иосифа – две алые полосы на белом. И раньше заметил, чем осознал, что глаза у его отражения закрыты.

Принц отшатнулся. Золотая ложка опустилась в чашу, и в рот юноши попало совсем несладкое – кислое до горечи – вино. Он чуть не подавился облаткой. Зашелся истощенным харканьем. На губах запузырилась ржавая мокрота.

Дед с жалостью глядел на него.

– Всем говори, что ты видел корону, – предупредил он. – Короткая жизнь, это еще не жизнь без трона.

Что, перевалив восьмой десяток, он мог знать о короткой жизни?

– По крайней мере, у тебя никогда не будут дрожать колени при ходьбе, – ободрил внука старый Франц. – Не придет бессонница. Не откажет память или мочевого пузыря. И утром, глядя на жену, ты не будешь задаваться вопросом, что она тут делает?

Герцог Рейхштадтский сказал бы: «Слабое утешение». Но сдержался. Пожал плечами.

– Наш Господь не одобрял гаданий. По Его воле все может перемениться.

– О, – поразился старик. – Неужели ты в одиночестве прочел Библию?

Глава 4....Один сатана

Дорога на Гродно

Слушая Долли, Александр Христофорович вспоминал донесения сына о персах и верил не каждому слову сестры. Одно видится из лондонского окна, другое из недр персидского посольства. Выходило: никто не виноват, просто стечение обстоятельств. Очень вовремя эти обстоятельства стеклись! Как раз чтобы открыть второй фронт за спиной у воюющей с турками русской армии. Даст Бог, Паскевич²⁶ удержит границу.

Персы, а вернее, те, кто суфлирует их действия, были уверены: мы пойдем мстить, причем немедленно. Пересечем рубеж, а там – новой войны не избежать. Но как бы ни был вспыльчив наместник, как ни близок к нему по родству (брат жены) и по службе (правая рука в гражданских делах) генерал Грибоедов²⁷, но государева окрика Иван Федорович послушался. Не пошел карать правых и виноватых. Сжал сердце в кулак. Терпел.

– Ты должен понять одно, – внушала брату княгиня Ливен, – этого еще не усвоили в России, но придется. Нет никаких единых «англичан» ни внутри страны, ни за рубежом. Есть официальное Министерство иностранных дел. Им управляет вовсе не король. И король вообще может не знать, что там происходит. В каком-то смысле с ним бесполезно говорить. И глупо принимать от него заверения. Там другая система...

– А премьер-министр знает? – Бенкендорфа раздражала система, где концов не доищешься. – Так не бывает, чтобы глава кабинета ни сном ни духом, когда в подконтрольной стране убивают чужого посла. Это, милая моя, серьезная штука. Чревато последствиями.

Долли развела руками.

– Есть Ост-Индская компания²⁸. У нее свой флот, своя армия, свои дипломаты. В ее делах король и министерство не принимают участия. Довольствуются прибылью в виде налога. А все, что сверх него, компания собирает с контролируемой территории – ее законный доход.

Бенкендорф покусал губу. Нечто подобное Грибоедов предлагал сделать в Грузии. Не вышло. Государь заартачился. А так бы озолотились! Несколько виднейших местных родов, которые и так правят, да русские чиновники и военные власти. Войска уже есть – Кавказский корпус. Собирают дань. Кланяются ей казне. В остальном – сами себе короли. Доходное предприятие.

Александр Христофорович помнил, как тогда государь подскочил, точно его пчела укусила в седалище: «Как это? Часть империи, где мы едва-едва вводим цивилизованное право. Где есть и администрация, и полиция, и дороги – на наши деньги, между прочим – вдруг снова в хаос Средневековья! Дань собирать!» Было видно, что Никс вознамерился задать по первое число всем составителям проекта. «Сколь бы ни любил Паскевича, но это никуда не годится! Что он продвигает? – уже поуспокоившись, рассуждал император. – Отказать. Решительно отказать».

– Именно компания может быть причастна к убийству нашего посла в Тегеране, – сказала Долли.

---

²⁶ Паскевич Иван Федорович (1782–1856), с 1828 г. граф Эриванский. Герой войны 1812 г. По словам Александра I, «лучший генерал русской армии». Сменил на Кавказе в качестве наместника и командующего Кавказским корпусом А.П. Ермолова, одержал победу в войне с персами в 1826–1828 гг.

²⁷ Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), русский дипломат и писатель. Автор комедии «Горе от ума». Заключил Туркманчайский мирный договор 1828 г. между Россией и Ираном. Полномочный министр при шахском дворе. Погиб в результате нападения на русское посольство толпы фанатиков в Тегеране.

²⁸ Ост-Индская компания (1600–1858) – сообщество английских купцов для торговли в Индии, Южной и Юго-Восточной Азии. Имела свой административный и военный аппарат. Отличалась жесткими методами проведения выгодной ей политики, сочетавшими экономические рычаги (завоз дешевых товаров из Англии и разорение местных производителей) с политическими (убийство и похищение неудобных лиц, взятие заложников).

Сомнительно. Бенкендорф пожевал губами.

– Торговля требует покоя на землях, где ты ведешь дела. Война же все поставит с ног на голову. Разорит покупателей. Прервет коммуникации. Дороги, я говорю, станут опасны для караванов.

Сестра смотрела на него, будто не понимая.

– В Лондоне надо искать след, в Лондоне! – сорвался брат. – Ты либо слепа, либо сама надела себе шоры.

Княгиня фыркнула.

– Никто в королевском правительстве не пойдет на подобный риск. Ссориться с ними! Есть общество, газеты, парламент...

– Обществу через газеты можно внушить что угодно. А парламент уже дважды одобрял посылку военной эскадры к Петербургу. При матушке-Екатерине, когда мы Измаил взяли, и при Павле²⁹. Хорошо, прости Господи, что мы его сами как-то... – Бенкендорф не стал договаривать. Вместо этого он невинно предположил: – Кто помешает в третий?

Долли ахнула.

– Ты совсем рехнулся со своей подозрительностью! Так не бывает. Понимаешь, *не бывает*, – по буквам произнесла она.

А должна была бы помнить. В день убийства Павла сколько ей было лет? Пятнадцать. Уже немаленькая. Могла видеть, как все тогда тряслись. А потом радовались, стыдно сказать, гибели собственного царя. Позор!

Александр Христофорович выдержал паузу.

– Позволь мне делать выводы, дорогая, что бывает, а чего нет. Вот помидоры на деревьях не растут. А флоты плавают куда угодно.

Долли надулась.

С улицы донеслись голоса. Кто-то перед кем-то оправдывался. Кто-то на кого-то гневался. Почти стучал сапогами. Эти начальственные нотки ни с чем не спутать. Опыт учил Бенкендорфа, что обычно в них нет ничего хорошего. Он отворил дверь на крыльцо. Так и есть. Понурая очередь просителей. Перед ней гродненский губернатор в генеральском мундире. Александр Христофорович только поднял выцветшие брови.

– Так я... Государь почивает... а они... лезут со своими... изволят мешать. Так я велел разогнать.

– Напрасно. – Шеф жандармов поджал губы. – Государь делами не скучает. – Обернулся к просителям. – Я предварительно выслушаю. Скажу, какое будет решение. Кто не согласен, может подождать самого государя. Он скоро проснется, светает. – И пошел обратно в дом, махнув рукой: мол, очередь может двигаться.

Долли смотрела на поникшие плечи брата, на спину, которая была готова вот-вот прогнуться, точно у старой крестьянской лошади от работы проваливается хребет. «Как у нас все-таки все не так устроено», – думала княгиня. Доброму королю Георгу, дебоширу, бабнику и пьянице, в голову бы не пришло останавливаться где-то по дороге, скажем в Корке, чтобы слушать просителей. Есть специальные чиновники. Тем более что через голову закона монарх ничего не может. У нас же император – живой закон. Как он сказал, так и будет. Хорошо или плохо? Скорее плохо. Недоросли. А вот людям, которым сегодня дано дотянуться до царя, как до солнца, наверное, ничего – способно.

---

²⁹ В 1791 г. по предложению премьер-министра У. Питта-младшего английское правительство решило направить военную эскадру бомбардировать Петербург, чтобы принудить Россию пойти на турецкие условия мира во Второй русско-турецкой войне (1787–1791 гг.). Удачные переговоры со Швецией, которая не предоставила англичанам портов базирования, и волнения портовых рабочих в Лондоне помешали осуществлению этого плана. В 1801 г., в ответ на арест Павлом I английских торговых судов в русских гаванях, Лондон все-таки направил эскадру. Царевубийство 11 марта предотвратило столкновение.

* * *

Петербург. Начало апреля

Отъезжая от станции в сторону Вильны, где она должна была присоединиться к поезду императрицы, княгиня не могла поверить, будто министерские чиновники в Лондоне способны подтолкнуть убийство чьего бы то ни было посла. У Ост-Индской компании в Персии свои интересы. Быть может, они одичали настолько... Дальше думать Долли себе не позволяла.

А вот ее брат держался другого мнения. И у него были причины. Еще в столице, до отъезда на коронацию, он посетил в крепости интересного узника.

Того только что доставили с юга. Из Севастополя. Чтобы был под рукой. Британский резидент при русской армии Джеймс Александер³⁰. Почти официальный шпион. Во всяком случае, лицо официальное. Если бы его не схватили с поличным – с профилями русских бухт в Крыму и с указаниями удобных мест для десанта, – так бы и остался военным наблюдателем союзников.

Александера все равно намеревались отпустить: государь не мог до отказа натягивать вожжи отношений с Британией. Хотел. Видит Бог. Но не позволил себе. Умел обуздать гнев. Бенкендорф только дивился: как такая сдержанность дается капризному в прошлом, склонному к самоуправству человеку? Все эти качества никуда не делись, просто сидели на дне души, как пес под лавкой.

В отношении шпиона шеф жандармов уговаривал потянуть с освобождением. Хоть недельку. Интересный пасьянс раскладывается.

«Вечно у тебя пасьянс!» – пылил Никс.

А через неделю пришло известие о гибели посольства. Кто оказался прав? Хоть бы спасибо сказали. Ведь как в воду глядел, когда остальные только брали под козырек. Не спорил, просто оставался при своем мнении и под рукой делал правильно. Никс терпел. Особенно натужно, когда замечал.

Теперь полковник Александер оказался очень важен. Недавно из Персии и прямо к нам. Какое совпадение! В минувшую войну был наблюдателем в войсках Аббас-Мирзы³¹, нашего врага, наследного принца. Видел слезы бородатого шахзаде, когда русские взяли его родной Тебриз. Очень, очень хорошо знаком с обстоятельствами. Стоит поговорить.

Александр Христофорович не был в Петропавловке два с половиной года. С памятного дня казни мятежников. И не пошел бы еще лет двадцать. Всегда, когда ехал мимо, начинала болеть голова. Права жена, у него тогда точно случился удар. Но не сильный. Даже с лошади не упал. И все же больно, очень больно. Вот так бывших гвардейских офицеров, как собак... Да и поступок их – какой позор!

Словом, вспоминать не хотелось.

А идти пришлось. Государь было приказал здание крепости отдать под архив. Опамятовались – сыро. Бумага жухнет. А человеческие кости нет? Сначала ничего, а потом отзывается ревматизмом, ранней старостью, немощью во цвете лет. Потому и старались сократить число узников. Но Александеру место все-таки нашлось.

Английское посольство, сам посол сэра Хейтсбери ничего не знали ни об его аресте, ни о прибытии в столицу. Так надежнее. Выдадим – узнают.

---

³⁰ Джеймс Александер (1803–1885), английский военный и дипломат. Резидент в Персии, Турции и России. Автор мемуаров о России. О его миссии и задержании смотри в книге автора «Южный узел».

³¹ Аббас-Мирза (1789–1833), наследник шаха Фехт-Али-хана, наместник в Иранском Азербайджане. Инициатор европеизационных реформ в персидской армии. Ориентировался сначала на Наполеоновскую Францию, затем на Англию. Командовал персидскими войсками во время русско-иранских войн 1804–1813 гг. и 1826–1828 гг. Оба конфликта начаты иранской стороной и закончились для нее поражениями.

Шеф жандармов приказал править через мост к желтым воротам. Его карету узнали, сразу же распахнули створки и пропустили без дальнейших околичностей. А зря, мало ли кто может скрываться в знакомом экипаже! Непорядок.

Во дворе тоже долго задерживаться не пришлось. Укатил прямо на площадь за собор, а оттуда двинулся пешком к Алексеевскому равелину, глаза бы не видели! Забыть, забыть. Есть новые дела. И бегут, как лошади на скачках, одна обгоняя другую. Вам что, приз назначили? Кто укатает его раньше других?

Британца содержали сносно. Даже в относительно сухом помещении. Бенкендорф шел по коридору, задевая ногами за обрывки войлока, – остались со времен содержания мятежников под следствием. Тогда нарочно устлали весь пол и караульным велели сновать в валенках. Дабы не мешать господам думать. А пуще: чтобы ни один узник не знал, кого повели на допрос и в котором часу.

Бенкендорф подозвал дневального.

– Чего войлок-то сняли?

– Дык он набух, ваше высокоблагородие. Водицей, значит. Под ним не скажу лужи. Но испарина.

– Капает? – кивнул посетитель. – Сами-то как спасаетесь?

Дневальный покрякал.

– Платок пуховый на поясицу под шинель, – признался он. – Валенки, опять же. Не выдайте, ваше высокоблагородие.

Кому и кого *он* мог выдать? Выше него только государь. Но караульные боялись своего начальства, местного.

– Носите валенки, – разрешил Александр Христофорович, – только подошвы кожей подшивайте, чтобы ноги не промочить.

Дневальный остался очень доволен «добрым генералом». А вот бедняге Джеймсу, горешпиону, пришлось с Александром Христофоровичем несладко. Впрочем, обоим.

Бенкендорф увидел перед собой человека за тридцать. Стройного и подвижного. Со смуглой оливковой кожей и шапкой черных бараньих кудрей. С усиками и бровями, словно нарисованными тушью.

– Ваши предки итальянцы?

– Очень далекие. Я британский подданный.

«А то я не знал!» Или можно забыть о вашем козырном подданстве? Какое-другое – не столь существенно. А ваше просто неприкосновенное.

– Вы отдаете себе отчет, – вслух спросил шеф жандармов, что ваше правительство не выгадит вас отсюда?

Александр сохранял самообладание. По его лицу невозможно было сказать, что он чувствует. Возможно, недостаток темперамента, как у всех жителей острова. Это от погоды.

– Почему вас послали на восток?

Джеймс скривился.

– А почему я должен отвечать?

Александр Христофорович ценил хороший юмор.

– Потому что у меня ключ от этой двери.

Полковник с тоской глянул на железные засовы.

– Мы уже имели мимолетную беседу в Севастополе. Что изменилось с тех пор?

– Многое. – Бенкендорф сел за стол, предоставив собеседнику располагаться на кровати. – Наше посольство в Тегеране вырезано. Понимаете, почему я вас спрашиваю?

Александр как-то сразу почувствовал все особенности ситуации. Вместо того чтобы воскликнуть: «А мы-то тут при чем?» – он выдал:

– Но у вас нет доказательств.

– Доказательств чего? – хмыкнул Бенкендорф. – Соучастия вашего кабинета? Или Ост-Индской компании? Что, как я понимаю, не одно и то же.

– Компания ни при чем! – вспыхнул Джеймс. – Ей это невыгодно. Совсем. Это для большой политики. Очаг новой войны в тылу у вашей армии. Это вовсе не для торговцев. Пусть и с ружьями.

Александр Христофорович сдвинул брови.

– Почему я должен вам верить?

– А разве я прошу? – Джеймс не просто сел на кровать, а закинул на нее ноги в обуви. Как у них принято. Вот чего Бенкендорф не понимал! Но не стал одергивать арестанта, ведь тот, как мог, уравнивал положение. Ничего, весь подберется.

– Есть иная логика, – произнес он. – Грибоедов собирал с персов контрибуцию. Деньги. За проигранную нам войну. Их выколачивали у самых простых. Самых бедных. А кто сидит без копейки, тот не покупатель. Не так ли?

– Компания ни при чем, – упрямо повторил Джеймс. – А меня вы должны отпустить. Сами знаете.

– Отпустим, – спокойно кивнул Бенкендорф. – Но как скоро, зависит от вас. Окажите мне любезность.

– Я весь внимание, – отозвался Александер. Он даже закинул ногу на ногу.

– Персидский двор отправит в Петербург посольство с подарками и извинениями. В нем будут ваши старые знакомые. Вы встретитесь с ними, как добрый друг и эмиссар своего правительства. Разузнаете то, что сможете, и передадите мне.

Джеймс расхохотался. Да так сочно, как обычно не выходит у островитян.

– С чего мне помогать вам?

«Потому что я могу оставить вас здесь навсегда. Почему все так носятся с англичанами? Может быть, потому, что они сами с собой носятся?»

– Вы уверены, что вас отпустят? – вместо ответа спросил Бенкендорф. – Ни ваше правительство, ни здешнее посольство не знают, где вы.

– Это беззаконие.

– Я могу себе это позволить.

Джеймс спустил ноги с кровати, но его лицо продолжало оставаться насмешливым.

– Но вы же должны уважать закон.

– Свой или ваш?

Важное уточнение. Британцы уверены, что, где бы их ни арестовали, судить будут дома или хотя бы по островному праву. Остальное – трибунал.

– Вы нагадили здесь. Здесь и ответите, – констатировал Бенкендорф.

Александер побледнел.

– А как скоро меня отпустят в случае, если я помогу?

Ну вот, пожалуйста!

– Как договоримся.

– А мое правительство не будет проинформировано?

– Разумеется.

– А какие у вас гарантии, что я сообщу вам верную информацию?

– Вы возьмете с собой на встречу моего человека и представите его как своего сослуживца. По-английски он говорит не хуже вас. – «Ну, это я, конечно, соврал». – Вы его знаете, – Бенкендорф не без гордости приосанился.

– Вашего побочного сына Жоржа? – Арестант был доволен своей осведомленностью. – Нетрудно догадаться. Вы его *так* опекаете. Он *так* похож на вас.

Догадка Александера была для Бенкендорфа неприятным сюрпризом.

– Значит, мы договорились? – помрачнел он.

– Договорились, – кивнул Джеймс. – Надо же учить парнишку. Вы-то в нашем деле профан. А я как-никак уже девять лет...

– И позволили поймать себя мальчишке, – обрезал шеф жандармов. – Еще большему профану, чем я. Так что постарайтесь сообщить мне что-то, чего еще не успели донести наши дипломаты. Или бояться донести. Тогда вы не вернетесь сюда. Как вам сделка?

Джеймс пожевал губами.

– Пожалуй. Но учтите: Персия – наша вотчина.

– А посольство – наше, – Александр Христофорович встал. – Хотите гнездиться в Персии, ведите себя прилично. Вырезанная дипломатическая миссия приличного поведения не изобличает.

* * *

Петербург. Начало апреля

Жорж Александров³² переходил от задания к заданию и уже не знал, когда вернется в уланский полк, откуда начальник III отделения увел его еще под Варной.

Он расстался с бывшим мичманом Стоговым³³, который страховал его в той, самой первой операции с поимкой британского шпиона. Тот отбыл в Симбирск на хорошее, пригретое место. Он пошел в Жандармский корпус ради жалованья. А Жорж – по случаю. Так звезды сошлись, карта выпала. Стогов был серьезный, семейный мужчина, хотел прочного положения в провинции, чтобы и самим сытно, и другие уважали. Жорж, по натуре проныра, напротив, сам не знал, о чем мечтал. Голодное детство, рваные простыни – вечный призрак Воспитательного дома навсегда встал за его плечами. К тому же он начинал артистом, как мать – великая французская театральная дива³⁴. Интересно, она догадывается, что сын жив? А потому весь мир казался ему подмостками, где он, если повезет, может сыграть важную роль.

Простил ли он отца? Вряд ли. Для этого они слишком мало общались. Но был благодарен за покровительство. И за то, что в семье Бенкендорфа его вовсе не отвергли. Напротив, приглашали в дом. И законная супруга Елизавета Андреевна говорила ласково: мол, не смущайтесь, у нас вы всегда найдете кров и понимание.

Впрочем, Жорж никогда не злоупотреблял родством, был щепетилен и предпочитал казарму своего уланского полка, квартировавшего в Гатчине. Так свободнее.

Только одно его всерьез притягивало – очаровательная барышня, падчерица Бенкендорфа, Елена Бибилова. Ласковая Оленка. Они встретились в первый же приход Жоржа к отцу и теперь держались как старые знакомые.

Оленка много пела, да еще таким голосищем! Просто басом. Откуда в ее тоненьком теле брались обертоны оперной примы, Жорж не знал, но аккомпанировал честно. От души. Время от времени ловя на себе настороженные, удивленные взгляды девушки.

Их переглядки за роялем заметил бдительный отец. Отвел в сторону и прямо сказал:

– Елена просватана за князя Белосельского-Белозерского.

Жорж пару раз видел этого добродушного некрасивого увальня в гостях у Бенкендорфов. Никакого интереса невесты тот не вызывал.

– Она его не любит, – вырвалось у юноши.

Александр Христофорович рассмеялся.

---

³² Об обнаружении Бенкендорфом побочного сына смотри книгу «Южный узел».

³³ Стогов Эразм Иванович, подполковник Корпуса жандармов, автор мемуаров.

³⁴ Жорж Маргерит Жозефин Веймер (1787–1867), знаменитая французская драматическая актриса. О ее романе с Бенкендорфом, бегстве из Парижа и жизни в России смотри книги «Личный враг Бонапарта» и «Без права на награду».

– Тебе известно, кого она любит, кого нет? Оленка никому своих тайн не рассказывает. Прошу от сердца: остерегись.

Если бы его сын вдрызгался в Катю, старшую падчерицу, Жар-птицу, отец бы и бровью не повел. Сама отошьет. Такая уродилась. Повелительная и победительная, как мать. А вот Оленка, подснежник, за себя не заступится. Не сумеет. В Жорже его характер. Егоза и бабник. Раззявил рот на лакомый кусочек! Нет, не того поля ягода. И не только по рождению, знатности, богатству. Обидит. Ей-богу, обидит. Александр Христофорович себя знал – значит, знал и Жоржа. Погуляет и бросит, а ей одни слезы.

– Не смей на нее даже глаз поднимать, – с угрозой сказал он сыну. – Сговорена и точка.

Жорж остался при своем мнении, тем более что глаза у него – уголья, матушкино наследство. В любой Снегурочке дыру прожгут. И Александр Христофорович остался при волнениях. Правда, жене ни слова не сказал. К чему лишние трепыхания? А вот Елене строго-настрого запретил петь в паре с Жоржем, чем смутил девушку до крайности. Ничего, погорят щеки и остынут.

– Простите меня, папа, – пролепетала она.

– Да ты ни в чем не виновата.

Оленка покусала губу.

– Я обеспокоила вас. Простите.

Такая хорошая, слов нет. И жалко ее почему-то заранее. Странное это чувство. Ну, привязан он к падчерицам, как будто его кровь. Столько лет – чего удивительного?

Поэтому отъезд Жоржа в Москву, навстречу персидскому посольству, оказался как нельзя кстати. С Александром они встретились если не как друзья, то как старые знакомые. Того жандармы доставили из Питера на крошечную станцию Подлиповье, и там, подальше от любопытных глаз, сняли наручники. Позволили вымыться и переодеться в чистое из его же собственного, привезенного срочной эстафетой, гардероба. И вручили пакет с «экстраординарной суммой» – на расходы во время миссии.

Джеймс подышал от смеха: как у них тут все торжественно делается! Он слышал историю одного государственного преступника 14 декабря, которого везли в ссылку, по ошибке заковав ноги крест-накрест. А ты не сиди нога на ногу, когда тебе кандалы надевают. Бедолаге в пути было весьма трудно: ни ходить, ни отправлять естественные надобности, ни даже сесть как следует в телеге он не мог. Государь при отправлении ссыльных явил милость: запретил заклепывать кандалы, как было прежде. А велел просто закрывать на замок. Ключи у фельдъегеря. В любой момент можно открыть. Ссылный с ногами наизнанку на каждой станции молил: раскуйте и закуйте правильно. Но начальство, сокрушаясь и соболезнуя, везде боялось нарушить и уверяло, что для столь сложной операции нужно именно повеление. Уже где-то под Томском узник вспомнил волшебное слово: «по уставу». «Закуйте по уставу!» – потребовал он, и все чудесным образом изменилось. Ноги встали на место. Жаль дороги оставалось с гулькин нос.

Подобными историями Джеймс был набит по самые уши. Он придавал им великое значение показательных фактов, которые иллюстрируют характер каждой нации и принятый в стране образ правления.

– А о персах вы тоже собрали коллекцию забавных анекдотов?

Персов Джеймс любил. Они казались ему наивны и первобытны, не испорчены цивилизацией.

Жорж решил устать партнера по миссии.

– Я столько раз слышал про лейтенанта Джонса, покорителя Бенгалии, – простодушно посетовал он, пока его спутник спешно облачался в белую батистовую рубашку. – Но никогда не мог понять, в чем смысл? Почему все так восхищаются его доблестью?

– Ну как же? – удивился полковник. – Значит, вы слышали не все или слушали невнимательно.

Джонс с небольшим отрядом продвигался в глубь джунглей, когда встретил войска местного раджи. Те были вооружены купленными в Европе ружьями. Джонс остановил своих и выбросил белый флаг. Послали парламентеров, которые договорились, что на счет «раз, два, три» обе стороны опустят оружие. Только вот Джонс отдал своим солдатам приказ, что, услышав «три», они откроют огонь. Так и случилось. Индусы опустили ружья, британцы нажали на курки. Раджа остался один среди трупов и был взят в плен.

– Теперь поняли? – победно осведомился Джеймс. – Он обхитрил противника и уничтожил крупную боевую единицу. Молодец?

Жорж все еще переваривал.

– Но он нарушил слово, уронил честь благородного человека...

– Я вас умоляю. Слово дикарю ничего не значит. Договор бывает только между равными. У вас всегда так возмущаются, что Наполеон напал без объявления войны. Но нельзя же вести с варваром рыцарский поединок.

– Варвары быстро учатся.

– Даже слишком, – вздохнул Джеймс. – Вам надо быть очень осторожными. Один неверный шаг – и в Европе вас не оставят. Никому не хочется иметь таких соседей.

«Как любопытно, – подумал Жорж, – наше посольство вырезали. А варвары все равно мы. Надо запомнить».

* * *

Особняк Бенкендорфов на Малой Морской. Петербург. Начало апреля

Лизавета Андреевна³⁵ рыдала белугой. Закрылась в спальне и предалась горести.

Вступивший в дом Александр Христофорович было подумал, что он – причина припадка жены. Дамы после сорока страдают нервами. Им положено. А на подъезде к дому его экипаж разминутся с каретой госпожи Бибиковой, бабушки падчериц. Тогда подумалось: «Слава богу!» Эту ушлую особу хозяин не выносил, но вынужден был терпеть ради девочек.

В начале семейной жизни та чуть не сломала им с супругой счастье – наговорила на него. Видит Бог, не напрасно. Но все же стоило помолчать. С тех пор старуха Бибикова стала для него вестницей раздоров. Эридой в чепце.

Поднялся по чугунной витой лестнице. Даже из прихожей были слышны рыдания. «Эк ее!» Подошла невероятно суровая Оленка. Взяла за руку.

– Ты, пап, чего опять выкинул?

Александр Христофорович нахмурился. «Не было ничего... Ну, так, мелочи».

Катя пряталась. Она всегда принимала сторону матери, если что. С детства. Пришли племянники: Константин об руку с Машей. После смерти родителей они жили в доме дяди. Стайкой выпорхнули собственные дочери. Анна, Елена, Мария – красавицы, самое меньшее... нет, красавицы.

– Я пойду наверх.

Оленка попыталась его удержать, но Александр Христофорович смело двинулся по внутренней дубовой лестнице. Толкнул дверь. Против ожидания, ручка поддалась.

Шторы опущены, как при мигрени, – вот тоже дамское занятие. В сумеречной глубине – кровать под пышным балдахинном. На ней сотрясается рыданиями его райская птица. На нее глядят из углов мраморные амурсы с надутыми лицами – пошло, конечно, но во вкусе его провинциальной доброй супруги, а потому он готов терпеть.

– Ты чего, мать? Тебя обидел кто?

---

³⁵ Бенкендорф Елизавета Андреевна (1788–1857), урожденная Донец-Захаржевская, в первом браке Бибикова, жена А.Х. Бенкендорфа.

Лизавета Андревна не унималась. Муж поднял ее за плечи и прислонил к себе. Теперь по лицу было видно, что не он причина. Ну и слава богу! Остальное перемелется.

– Я ужасная, – заявила мадам Бенкендорф. – Черствая, злая, непреклонная...

– Ты? – изумился муж.

Дама зашлась слезами и заикала, что служило у нее признаком крайнего расстройства.

– Всех бросила. Никому не помогаю.

– С этого места подробнее. – Александр Христофорович понял и причину истерики жены, и подоплеку визита старухи Бибиковой.

– Кто на этот раз? Кого она тебе сватала?

Лизавета Андревна встрепенулась и замотала головой.

– Я ей отказала. Ты и так пригрел всех братьев моего покойного мужа. Все Бибиковы теперь при местах.

«Ну, не одни Бибиковы», – хмыкнул Бенкендорф. Он действительно потянул наверх родню падчериц. И мог похвалиться хорошим выбором. Бибиковы были умны, образованны, служили честно, лишнего не брали. Был еще старый отец-командир граф Толстой, теперь генерал-губернатор Петербурга. Были родные сестер и покойной матери – Шиллинги и Ливены. Следовало окружить себя «своими», чужие выдадут. Так было из века в век. Не ему нарушать традицию. Но ведь он и чужих брал!

– Кто на сей раз? – обреченно спросил муж.

– Двоюродный дядя девочек генерал Засекин, – шмыгнула носом Лизавета Андревна. – Они небогаты. Живут на жалованье.

«Тоже мне, жертва! И мы жили, с пятью девками».

– Это смотря какое жалованье, – жена хорошо его понимала. – У Засекиных армейское. Негусто. Сын в этом году окончил кадетский корпус. С Большой золотой медалью. Разве тебе помешал бы адъютант с шестью языками?

Бенкендорф вообразил чудовище. Натурально, как многорукый Шива, только вместо конечностей – языки. Кто бы ему позволил Жоржа взять адъютантом! Нельзя.

– Милая, мой штат не растягивается по щучьему велению.

– Я так и сказала. – Вид у Лизаветы Андревны был решительный и несчастный. – Корпус жандармов – не каучуковая кукла.

– Так и сказала? – восхитился муж.

Мадам Бенкендорф кивнула.

Александр Христофорович помолчал, помялся.

– Ну ладно, пусть приходит этот Засекин. Я его приму частным образом. И там посмотрим, что делать.

Лизавета Андреевна просияла.

– Ты лучше всех!

«Я знаю».

– Вытри слезы, – вслух попросил он. – Детей распугала. Ты же знаешь, они сами не свои, когда в доме неладно. Ходят как в воду опущенные. Даже мои племянники. Все за тебя горой. Заколдовала их?

Лизавета Андревна и сама не любила домашних ссор, выяснений отношений, надутых лиц. Любила, когда все бросаются друг к другу. Когда разговор за столом быстрый, с перескакиванием на знакомые темы, о которых все осведомлены и ничего не надо пояснять. Когда дети лезут на шею, а не отмалчиваются по углам.

– У меня, наверное, нервы. – Заветное слово.

– У всех женщин нервы, – утешил муж. – У государыни тоже были нервы. Его величество сказал, чтобы не было никаких нервов. И ничего не стало.

– Я так не смогу, – серьезно рассудила дама. – Да и она помоложе будет.

Вот, провинциальное чувство юмора. Вернее, его полное отсутствие.

– Мать, здесь смеяться нужно было, – пояснил муж. – Ну ладно, черкни пару строк этому Дровосекину, пусть завтра приходит.

* * *

Катя с нюхательными солями прибежала в будуар матери, жестом выслала горничную и сама стала расчесывать Лизавете Андревне волосы. Густые, как в молодости, черно-каштановые пряди ложились ровно, без завитков.

Мадам Бенкендорф подносила к лицу то один, то другой пузырек. Фиалка обычно помогала. На губах женщины расплылась нездешняя улыбка, точно она уносилась куда-то далеко-далеко, за леса, горы и синие моря, в тридевятое царство. В такие минуты муж особенно любил смотреть на нее. Но сейчас мать видела одна Катя, осторожно массирующая ей голову щеткой с енотовым ворсом.

– Вот-вот, седой! – Лизавета Андревна схватилась за длинный, выбившийся на лоб волос. – Рви скорее!

«Если все рвать, – подумала Катя, – облысеем».

– Может быть, пора начать чернить? – вслух сказала она. – Ну не совсем, а смешать сажу с ржавчиной, как раз выйдет твой оттенок.

– Отец не любит, – сокрушенно вздохнула дама. Рвать-то больно. Наградил Господь конской гривой. Каждый волос толстый и крепко сидит. Аж слезы из глаз.

– Мало ли чего он не любит! – взвилась Катя. – Пора. Он хоть согласился на просьбу бабушки?

Лизавета Андревна строго взглянула на дочь.

– Согласился. Но почему *ты* думаешь, что он всюду должен вашей родне?

«Должен», – надулась Катя. Разве не ясно? Так он проявляет заботу по отношению к падчерицам. Она – не Оленка, чтобы всегда во всем вставать на сторону отчима и все ему прощать.

Был случай в прошлом году в Фале³⁶, куда Бенкендорф приехал к семье ненадолго, после метаний с государем по театру военных действий. Устал, как собака. Расслабился. И в первый же вечер запил. Неделю не просыхал. Аж черный стал. Заперся с саблей и бутылкой вина на чердаке. Поминал нелепо погибшего брата Константина³⁷. Растревлял душу. Хриплым голосом пел по-немецки: «Вот свистнула картеча, братишка мой упал». Все боялись к нему войти: сабля все-таки. Зарубит с пьяных глаз.

Прибыла Оленка, дольше других задержавшаяся в Петербурге. Узнала, что творится. Ахнула и без дальних рассуждений пошла на чердак. Мать готова была уцепиться ей за подол – не ходи, страшно. «Уж на что я – казачка, ко всему привычная, – но что-то на этот раз больно лихо!» Не послушалась, только чердачной дверью хлопнула.

Забрала бутылки, саблю отшвырнула ногой. Взяла за руку, увела вниз. Только и сказала:

– Пап, ну ты чего?

И он, как теленок, поплелся за ней, только всхлипывал и всхрапывал: «Костя, Костя, прости меня, дурака! Я уговорил, я, на войну ехать. Я виноват!»

Потом он, конечно, проспался. Повинился перед всеми. Но Катя навсегда запомнила то растерянное, беспомощное выражение, какое было у отчима на лице, когда он спускался по лестнице вслед за Оленкой. Ей бы так! И не по отношению к отцу, а к суженому. Ко всем мужчинам!

---

³⁶ Фаль – имение Бенкендорфа в Лифляндии.

³⁷ Бенкендорф Константин Христофорович (1785–1828), брат А.Х. Бенкендорфа, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, дипломат, посол в Вюртемберге, погиб после взятия турецкого города Проводы.

«Ремня тебе хорошего, девушка, надо, – думала мать. – Был бы на месте Шурки родной отец, ты бы одни тычки да затрещины получала. Я бы на тебя посмотрела, как ты у него посмела губы копытить!»

Лизавета Андревна всегда в душе оправдывала своего «ирода». И нимало не смущалась придирками родни: де немец-лютеранин, де гулеба, де повезло тебе случайно: он вошел в милость, так ты не будь дура – тяни с него все, что можно, пока не бросил!

Не бросит. Таких не бросают! Один раз пережив навет и чуть не потеряв радость жизни, мадам Бенкендорф относилась к пересудам так, как они того заслуживали: «Не ваше дело!» Ибо сколько ни гуляй, а нужно родное место, теплое гнездо, семья и единственный, готовый прощать человек.

– Взрослая девка, – цыкнула она на дочь. – Скоро замуж. Небось рассчитываешь, что отец тебе хорошую партию сыщет. Так изволь быть полюбезнее. Он нас кормит. Скажи спасибо. Кто для тебя приданое из той же бабушки выбил? А так бы ни в жизнь не дала, я ее ой как знаю.

Катя склонила голову и нацелилась пиками ресниц на паркет. Ее шоколадные очи теперь стреляли в пол.

– Думаешь, я не понимаю, на что ты обиделась? – продолжала мать. – Оленка выходит замуж раньше тебя. А отец разрешил. Так к ней князь Белосельский сам собой посватался. Неужели тянуть? Хорошего жениха можно проворонить.

– Но так не принято! – взвилась Катя. – Вперед должна старшая...

– А ты кого пленила? – возмутилась Лизавета Андревна. – С твоей красотой и приданым возможен самый роскошный жених. Но не с твоим характером.

Катя готова была заплакать. Она едва могла перенести, что пойдет за Оленкой среди подруг. Все станут смотреть и говорить: вот она старшая, а еще в девках.

«Да кому до тебя дело! – хмыкнула мадам Бенкендорф. – На невесту смотрят, не на сестер-подруг, глупая девчонка!»

– Я обещаю, мы с отцом и для тебя пару найдем, – вслух сказала она. – Дай срок. У всех глаза от зависти полопаются.

На лице у Лизаветы Андревны возникло то озабоченное выражение, от которого муж готов был бежать на край света. Опять дело. Дело к нему...

Мадам Бенкендорф решила отложить беседу о Кате до лучших времен. Хватит с Шурки пока и генерала Засекина.

Глава 5. Персидские письма

Петербург. Начало апреля

Тот явился на другой день, как условлено. С целой папкой аттестатов и похвальных листов сына. Готовый упираться на успеваемость и желание парня корпеть над языками.

– Почему не в Министерство иностранных дел? – осведомился Александр Христофорович. Он принимал в кабинете и быстро просматривал документы, которые подавал ему на подпись изящный шеголеватый адъютант. – Так п-почему не министерство Нессельроде?³⁸ – Александр Христофорович поднял на посетителя бледно-голубые глаза и разом все понял. Засекин-младший, может быть, и пошел бы по министерской стезе. Но для его родителя, генерала, отдать сына, уже готового офицера, штатским, в недра чиновничьей канцелярии – выше сил. Это такое унижение для дворянина, какого и снести нельзя!

Бенкендорф хотел сказать, что понимает и даже в глубине души разделяет подобную логику: кто раз надел мундир, забудь о фраке. Но, на беду, погода сегодня менялась. Ветра. Рваное небо. Голову сплющивало. Контузия напоминала о себе. А значит, кроме головной боли будет и заикание.

– Д-давайте с-с-сюда. – Бенкендорф было протянул руку к принесенной просителем папке.

Но тот вдруг побагровел, усы у него встали едва не горизонтально, глубоко посаженные глаза засверкали.

– Ч-чего вы д-дразнитеесь?! – вскричал генерал. – Р-раз я п-п-пришел х-х-х... хода-т-тайствовать...

Бенкендорф подивился, какое собеседнику далось длинное слово!

– ...т-так можно и-и-издеваться?

И в мыслях не было. Какой вспыльчивый!

Засекин с искренним оскорблением захлопнул папку и поднялся, намереваясь идти.

– Ч-честь имею.

Застывший у стола адъютант вытаращил глаза. Он впервые видел, чтобы кто-то едва не кричал на его шефа.

Александр Христофорович спохватился первым. Оторвал от листка угол и карандашом написал: «Лейпциг». Догнал рассерженного просителя у двери и сунул прямо в нос.

Засекин прочел и аж обмяк.

– А вас где? – выдавил Бенкендорф.

– М-мало... М-м-мало...

«Ярославец». Они вернулись к столу. Александр Христофорович указал на бумагу и дал перо. Потом забрал папку с аттестатами и начал их внимательно просматривать, пока генерал, пыхтя, сочинял прошение.

– Но в-вы должны з-знать, – предупредил Бенкендорф. – Офицеры К-корпуса жандармов могут быть п-посланы на самые опасные п-предприятия. В-ведь вы и в-ваша супруга с-сознаете это? Я не могу н-нести ответственность за безопасность д-детей.

Он хотел сказать: «наших детей», вспомнив о Жорже, но посчитал это неуместным.

– М-мой сын с-солдат, – кивнул Засекин. – Я лишь хотел для него возможности п-про-движения.

«И достойного жалованья», – закончил Александр Христофорович.

---

³⁸ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф, российский дипломат, с 1816 г. – министр иностранных дел, с 1828 г. – вице-канцлер.

– Ф-фа-арси? – Его глаза вдруг уткнулись в графу о дополнительно изученных кадетами языках. – Самостоятельно. И каковы успехи?

– О-о-отменно, – выдавил отец. – Так г-говорят. Я-то сам не з-з-знаток.

«Вот и проверим», – кивнул своим мыслям Бенкендорф.

– П-пусть явится з-завтра сюда, захватив с-словари и тетради с выписками, – сообщил шеф жандармов. – Будет нужен п-перевод. Если справится, в-возьму к себе. – У него созрел коварный план, деталями которого он не собирался делиться ни с кем.

* * *

Ночью из-за головной боли Бенкендорф часто вставал пить. Лизавета Андревна не просыпалась, а лишь перекатывала на его сторону свое большое роскошное тело. И начинала сонной рукой, как крылом, охватывать еще теплое, пустое место.

Муж глянул на ее лицо и аж скривился – оно по-прежнему сохраняло следы тревоги. Где его жар-птица? Шурка тотчас понял, о чем она кручинится. Катя. Это и его мучило. Но где, когда им самим суждено снова соединить руки, не оглядываясь на заботы? Или уж нигде? Для чего люди женятся? Чтобы упиться друг другом досыта? Или чтобы вдвоем противостоять жизненным невзгодам? У них выходило последнее. А может, и у всех? Молчи. Терпи. Неси. И очень изредка отпуская душу. Вот она семья.

В это время женщина потянулась, и на мужа пахнуло таким сонным теплом, таким родным, общим для обоих духом, что даже голова на мгновение отпустила. И он не удержался. «Ну-ка, мать, ты можешь даже не просыпаться. Я так пристроюсь».

Не открывая глаз и, видно, не покидая грез, она целовала его и обнимала, как прежде, в те дни, когда мешок забот не висел у обоих на шее. А потом расслабилась, и Шурка пронаблюдал, как выражение заботы исчезает на ее лице, заменяясь сладким глубоким покоем тридевятого царства.

Жена вздохнула и, удерживая его за плечо белой рукой царевны-лебедя, прошептала: «Я тебя люблю». «Я тебя тоже», –дохнул он в горячее разоспанное ухо.

Боль возвращалась в голову. Аж до черноты в глазах. Не помогали ни вода, ни взятая из комода свежая холодная подушка. «Пойти поработать», – решил Бенкендорф и, тихо встав, прошлепал к кабинету. А хорошо бы сейчас в Фаль, хоть на денек. И хочется в рай, да дела не пускают. Его не пускали именно дела. В том числе те, которые он наваливал на других.

* * *

Как ни хотелось избежать визита к министру иностранных дел, пришлось идти. Карл Васильевич Нессельроде, благополучно сохранивший свой пост с прошлого царствования, внешне поддерживал с главой III отделения самые любезные отношения. В юности они участвовали в одном посольстве в Париж и с тех пор терпеть друг друга не могли. Но улыбались в ожидании подходящего случая подставить ножку или окончательно спихнуть соперника в волчью яму.

Пока же...

– Дражайший Александр Христофорович! Какая приятная неожиданность! – Нессельроде весь лучился, изображая удовольствие, а сам прикидывал, что привело любимца государя на порог его кабинета. – Чем я обязан чести принимать ваше высокопревосходительство? – лебезил он.

Маленького роста, в круглых очках, министр походил на окуня с выпученными глазками. Колоссальный крючковатый носище делил его физиономию ровно надвое. Чтобы хорошенько

видеть собеседника, Нессельроде приходилось поворачиваться к нему одним боком. В случае с долговязым Бенкендорфом еще и задирать голову.

– Меня, как и многих, заботит гибель нашей миссии в Тегеране, – проговорил Александр Христофорович.

Нессельроде заметно скис. Ему совсем не хотелось обсуждать щекотливую тему. Как министр он подгрел все документы под себя. Но шила в мешке не утаить. III отделение обязано быть в курсе, и, хотя у них свои источники, в экстраординарных случаях следует делиться информацией.

– Чего именно вы хотите? – спросил хозяин.

– Для начала ответа. – Бенкендорф буднично пожал плечами. – По возможности вразумительного. Почему сразу после убийства посла и почти всех его сопровождавших персидское правительство первым делом написало не нам, а англичанам?

– Мы не можем отвечать за действия персиян, – развел руками министр. – Или им что-то предписывать. Возможно, они потеряли голову. Потому и кинулись за помощью к английскому послу. Просили совета.

Александр Христофорович хмыкнул.

– Но это неуважение к нам, согласитесь. Британскому послу писал сам шахиншах и два его главных визиря. Мы же получили официальный фирман и кучу устной дипломатической чуши. Помимо вопиющего нарушения международного права – убийства посла – они еще и не умели как следует извиниться.

– Вы ругаете меня за персов? – удивился Нессельроде. – Возможно, англичане посоветовали им действовать именно так. И еще больше нас обидеть.

Вот это уже похоже на правду. Не только нанести несмываемое оскорбление, но и при попытке соблюсти дипломатический этикет действовать как слон в посудной лавке. Воистину, для них дверь в Европу ведет только через английское посольство. Говорят, британцы и с нами пытались так действовать во времена Петра. Хуже – Екатерины Великой. Мы оказались неожиданно сильны, вырвались из-под опеки. Чем она грозит персиянам – их дело. Они начинали с армией в 60 тысяч, после войны с нами, которую англичане же им и присоветовали, осталось две. Поздравляем.

– Хорошие у них советчики. Ладно, – Бенкендорф глянул в сторону секретера, раскрытого прямо недрами на стол Нессельроде. – Мне нужны копии этих персидских писем британскому послу.

Министр послушно растворил один из ящиков и извлек тонкую папку.

– Как вы и сказали, их всего три.

– Не на русском. – Александр Христофорович не принял бумаг. – Отдайте первоначальный вариант копий на персидском, который добыли наши эриванские умельцы. У Паскевича дельные люди в охотниках³⁹ ходят, умеют взять, что надо, – он усмехнулся в усы. – Отдайте то, что получили.

Нессельроде надломил густейшие черные брови.

– Вы сумеете прочесть?

– Нет нужды. У нас есть переводчики.

Карл Васильевич чуть не вспылал: ну и доставали бы документы сами! С минуту колебавшись, он все-таки извлек из секретера другую папку. Но не смог не съехидничать:

– Может, вы все-таки предпочтете хоть французский перевод.

– Французский мною уже прочитан, – решил добить министра Бенкендорф. – Мы перехватили вашу отсылку Меттерниху. Все снабжаете его по старой памяти секретными сведениями?

---

³⁹ Охотник – разведчик.

Карл Васильевич взвился.

– Его величество не отменял приказа своего покойного брата. Мы с Австрией все еще союзники.

«Мало ли с кем мы называемся союзниками!»

– Табачок бы надо врозь, – вслух сказал Александр Христофорович, беря вторую папку. – О вашей странной откровенности я, конечно, доложу государю. Не имею права таить.

Крайне довольный собой, Бенкендорф вышел на улицу. У него имелись персидский, французский и русский варианты писем. Любопытно будет сравнить.

* * *

Дело казалось такой важности, что прибывший утром кадет Засекин работал с переводами не в здании III Отделения, а дома у главы ведомства, в его кабинете.

Александр Христофорович усадил парнишку даже не в отдельную комнату, под замок, а у себя на глазах, за особый стол-бобик, чуть в отдалении у окна, и велел немедленно, не смущаясь, оповещать, если что. Ну, там чернил еще, обедать, выйти куда следует. Даже до клюзета парня водили два здоровенных молодца в голубых мундирах.

Молодой Засекин сначала оробел, но, начав работать, расслабился, забыл о внешнем мире и погрузился в дешифровку непонятных Бенкендорфу персидских червячков. Аж затылок взмок от усердия.

– Ага! – удивленно сказал кадет через час труда.

– Что такое? – встрепенулся шеф жандармов.

– Есть кусочки, выпущенные в русском переводе, – отозвался юноша. – Тогда как во французском они сохранены.

– Отметь прямо в своем тексте. Особо, – попросил Бенкендорф. – Хочешь, чернилась⁴⁰, хочешь вставкой.

– Могу готическим шрифтом, – сообщил Засекин-младший. – Как в книжках. Я учился. Любопытно повторять почерка...

«Да ты и правда нам нужен», – Александр Христофорович не сказал этого вслух, но взял на заметку.

Всего работа заняла пять часов и к обеду была готова.

– Ступай вниз, – приказал Бенкендорф. – В столовую. Там вся семья. Ты же нам родственник. Вот и отобедай. От меня передай: не могу, занят, пусть пришлют наверх. – А сам с нетерпением схватился за переводы. – Или лучше пусть вообще не мешают. Ну иди, иди.

Кадет Засекин повиновался, понимая, что грозный родственник будет сыт тем, что сейчас узнает.

* * *

Александр Христофорович и правда развернул перед собой листы переводов и, сдерживая желание немедленно накинуться на них, приступил к делу с видом истинного гурмана. Слева от него лежал персидский текст. Справа русский перевод Нессельроде. Еще дальше – французский вариант. А прямо перед главой III отделения – еще непросохшие листки Засекина, щедро посыпанные речным песком, – не золотой же давать неизвестно кому!

Но, вчитавшись, Бенкендорф пожалел, что не золото. Такое следует представить высочайшим очам. Особенно с выпущенными министром иностранных дел кусками.

---

⁴⁰ То есть жирным шрифтом.

Итак, первое письмо шахиншаха Фехт-Али-хана⁴¹ к британскому послу сэру Джону Макдональду.

«Да будет вам известно, досточтимый друг, что у нас нет сомнений: Вы уже осведомлены о происшествии с генералом Грибоедовым. Случилось поистине необычайное!

Вы сами свидетель тому, с каким почетом и вниманием было принято его превосходительство в Тегеране. Я приказал своим министрам предупреждать его малейшие желания. Но неуступчивость господина Грибоедова, его стремление добиться выдачи всех армян, ставших некогда пленниками Каджарской династии⁴² и даже очутившихся в наших гаремах евнухами и налогожницами, возбудили жителей столицы против него.

Предначтения Неба неотвратимы, никому не дано избежать своей судьбы. Посланник преступил черту благоразумия, укрыв у себя евнуха нашего гарема Хаджу Мирзу, который желал возвратиться на родину. Здесь он жил в почете и богатстве, давно отрекшись и от своего народа, и от своей веры. Что ждало его в Эривани? Но мы руководствовались всегда уважением к великой державе, которую представлял генерал Грибоедов. Ни один из нашей не выказал посланнику ни малейшего неуважения. Все мы терпеливо сносили глумление освобожденных армян над магометанской верой, столь частое в их речах и поступках. Причиной беды были жители города, оказавшиеся не в состоянии владеть собою. В шестой день месяца шаабана они ворвались в дом, где жил посланник, и убили его.

Несчастье, постигшее нас, не имеет иного корня, кроме стечения ужасных обстоятельств. При всех трудностях британский двор давал нам наилучшие советы. Мы уповаем на вашу мудрость и просим вас наставить наших дипломатов, что теперь следует делать, чтобы меч великой державы не обрушился бы на наши головы и государство, без того шаткое, не было сокрушено новым ударом».

Александр Христофорович задумался. Смысл сказанного как будто ясен. Мы ни в чем не виноваты. Посланник сам своей непреклонностью дразнил горожан. И додразнился. Спасите нас советом, если еще что-то можно сделать.

Примерно это же было написано русскому двору. Но едва не месяц спустя. Советовались, значит. Мы бы раньше узнали о случившемся от тех же англичан, если бы Паскевич через границу не перехватил слух благодаря лазутчикам и не послал в Петербург гонца, добавив от себя, что на всех базарах люди говорят об эмиссарах белых шайтанов-инглизов и винят во всем случившемся Иблиса – дьявола по-ихнему. Значит, убийство для самих персов – большая загадка.

Что же выпущено в письме? Переводчик сделал сноску, выделив красивым, почти печатным шрифтом, да не под готику, а под арабскую вязь. «Нет, молодец парень, мы его точно возьмем».

«Единственное наше упование – на помощь британского посольства. Мы делали все, что сказал нам господин Уиллок через живущего во дворце моего личного медика доктора Макнила. А теперь вы упрекаете нас в нарушении международного права и грозите неизбежными карами! Если вы оставите нас один на один с разгневанными русскими, участь державы Каджаров незавидна. В конце прошлой войны Тебриз был взят, а путь на Тегеран открыт. Только чудо спасло нас! Мы приписываем умеренность России

---

⁴¹ Фехт-Али-хан (Фехт-Али-шах, Баба-хан), шах Персии из династии Каджаров (1766–1834), правитель Ирана, отец Аббас-Мирзы, дед принца Эхозрев-Мирзы, направленного с посольством в Россию.

⁴² Каджарская династия – династия шахов Ирана, правившая с 1796 г., происходила из тюркского племени каджаров, проживавшего в Северном Иране.

только вашему дипломатическому вмешательству. Спасите нас и на этот раз. Ведь мы поступили так не по своему желанию. Наша вина только в том, что отправленные нами на помощь послу вооруженные отряды не дошли вовремя».

Вот это уже ближе к истине. Александр Христофорович растер лицо ладонями. «Не по своему желанию... А по чьему?» Грибоедов жаловался Паскевичу на высокомерие персов. Что-то не видно. Не письмо – ковер-Хорасан. Испугались?

Он бы мог многое сказать об умиротворяющем влиянии англичан на аппетиты России на переговорах в Туркманчае. Паскевич писал. И почему все уверены, будто мы спим и видим, как посадить себе на шею кучу голодных оборванцев, расселившихся по неудобопроходимой земле?

В кабинете Бенкендорфа помимо дежурного портрета государя над столом – за спиной у хозяина, лицом к посетителям – висел еще и портрет покойной вдовствующей императрицы Марии Федоровны⁴³. Совсем молодой. Шурка ее такой и не помнил. С высокой прической пудренных волос, перьями в алмазном эгрете и с большим зеленым бантом на груди розово-бурого платья. Неожиданные в прошлом веке сочетания цветов!

Круглолицая в круглой же раме царица взирала на воспитанника с неизменным благоволением. Сколько она для него сделала! Скольким он ей обязан! Вот даже Фалем. Именно ее старания подняли сына покойной подруги на генеральскую высоту. Она навешала на его грудь половину наград. И вот теперь ушла. Скучал ли Бенкендорф по ней? Да, безусловно. Давно потеряв мать, привык видеть в покровительнице ее замену. Когда-то Мария Федоровна твердо сказала, что он будет государственным человеком. Шурка не поверил. Теперь задавался вопросом: не она ли по собственному желанию закинула его так высоко? А что если он не годится?

От складывавшегося на глазах политического пасьянса голова болела – стоит контузии. Александр Христофорович постоянно боялся что-то выпустить из виду, не учесть, не обратить внимания, замешкаться, забыть... Он обычный человек, разбирающийся в межправительственной каше только по навыку, в силу многолетнего опыта.

Вон господин Грибоедов уж на что был талантлив. Куда ни кинь: и языки, и музыка, и писал отменно, и договор какой заключил!⁴⁴ На тебе – растерзали. Да еще какие ужасные подробности! Голову прямо в очках выставили в лавке мясника. Можно ли такое простить? Забыть? Да не двинул ли уже Паскевич полки к границе? Ведь посланник – ему зять.

Бенкендорф подошел к портрету Марии Федоровны. Прислонился к нижнему краю лбом, как прикладываются к иконе, и прошептал: «Мадам, помогите мне. Я очень мало смыслю».

Никому другому Александр Христофорович такого бы не сказал. Даже государю. Везде ждут от него помощи, защиты, ума, изворотливости, знания дела. Иначе зачем он нужен? А что если он вовсе не тот, за кого они его принимают? «Мадам, – снова взмолился воспитанник, глядя на портрет вдовствующей императрицы. – Вы сами приставили меня к своим детям. Так помогите!»

Мария Федоровна продолжала смотреть на него, сложив лаковые губы в напряженной улыбке: «Не подведи, мальчик».

---

⁴³ Мария Федоровна (1759–1828), урожденная принцесса София Доротея Августа Луиза, супруга императора Павла I. Подруга матери Бенкендорфа Анны Юлианы Шиллинг фон Канштадт. Многолетняя покровительница Александра Христофоровича.

⁴⁴ Туркманчайский мир 1828 г., завершивший Русско-иранскую войну 1826–1828 гг., был заключен в селе Туркманчай близ города Тебриза. К России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, она подтвердила право держать военный флот на Каспийском море, получила крупную контрибуцию. Все захваченные персами пленные христиане (главным образом армяне) должны были вернуться домой.

* * *

Александр Христофорович снова вернулся к письменному столу, где лежали остальные бумаги. Следующая из них – письмо визиря Моатемид-эд-даулэ – не выговорить – премьер-министра, опять-таки английскому послу.

«Вы выражаете резкий протест против событий в шаабана и говорите, что никогда ни в одном государстве не случилось подобного. Аллах дал нам разум, чтобы усомниться. Но мы привыкли доверять вам, пусть так и будет».

«Да он дерзит!» – изумился Бенкендорф.

«Дружба, связывающая наши народы уже тридцать лет, покоится на прочном основании».

Фундамент хоть куда: выплаты всем членам шахского дивана, женам, любимым евнухам. Нам негде и вклиниться.

«Минувшая война вспыхнула раньше, чем наши войска были в полной мере готовы. Они сначала были двинуты к Ширвану, Гяндже и Тальшицу. Русские переправились через Аракс и заняли Тебриз. Вся наша страна попала в руки врагов. Мы не могли продолжать войну и уже не надеялись вернуть потерянные земли. Если бы русские, взяв Тебриз, пошли бы дальше, Персия перестала бы существовать. Но их царь поступил с нами справедливо и сдержанно. Они позволили нам вести долгие переговоры, дали нам оправиться от удара. А теперь посланник русских мертв, и они винят нас».

Похоже на упрек. Зачем перечислять все несчастья персов в минувшую войну? Словно визирь винит в них не собственных полководцев, а того, к кому обращается.

И что же из этого письма было выпущено? Еще более жестокие упреки.

«Всякий здравомыслящий человек, если подумает, поймет, насколько мы невиновны в случившемся. Если бы наше государство было вероломным, мы бы разорвали мир в самый благоприятный момент, когда денежная контрибуция в размере 8 куруров туманов⁴⁵ еще не была выплачена. А теперь, когда принц Аббас-Мирза готовился к визиту в Петербург, а их посол был принят с таким почетом...»

У Александра Христофоровича широко открылись глаза. К нам собирался наследник престола? А мы почему не знали? Паскевич почему не писал? Или он тоже ни сном ни духом? В Тегеране только между собой решали: ехать – не ехать? Или спросили разрешения у англичан?

В прошлом Персия поддерживала отношения с Турцией, с Россией, в начале века – с Францией при Наполеоне. Очень, надо сказать, опасный для нас был альянс. А потом их под свою опеку взяли англичане и... закрыли страну. Они торговали на Среднем Востоке, доставляли оружие, предложили дипломатическую помощь и присылку офицеров для обуче-

---

⁴⁵ Персы должны были уплатить России контрибуцию в размере 10 куруров туманов (около 20 миллионов рублей), что в три раза превышало сумму, затраченную И.Ф. Паскевичем на ведение боевых действий. Историческая ценность монет, собранных со всего Ирана, превышала номинал. По просьбе Паскевича их изучение было поручено специалистам из Академии наук, в результате чего возникли пять больших нумизматических коллекций, которые остались в Академии наук и Эрмитаже. К сожалению, три из них в советское время были утрачены. Пропал также и «меч Тамерлана», который, по легенде, сопровождал великого завоевателя в битве с турецким султаном Баязидом Молниеносным. Он был захвачен русскими войсками после осады Эривани у пленного персидского полководца Гассан-хана и находился в оружейной коллекции Гатчины.

ния войск. Сейчас почти все контакты иранцев с внешним миром шли через англичан. Европейцы не имели права проехать дальше Тебриза, где их встречал наследник Аббас-Мирза. А до Тегерана еще 10 дней пути на ишаке...

Проиграв войну и утратив, как видно, глубокое доверие к британцам, принц искал выход из заколдованного круга и хотел вступить в прямые сношения с соседями.

И вот накануне такого визита – его же еще надо готовить, полгода бы ушло на согласования – убирают нашего посла. Скандал. Ни о каком приезде наследника – второго, если не первого, человека в нынешней Персии – теперь и речи быть не может. Кому такой оборот на руку? Вот на что намекал визирь Моатемид, прося тех же британцев – больше-то некого – вымирить их, несчастных, с разгневанной Россией.

Поставили волка овец стеречь! Впрочем, в этой игре овец не было. Одни волки.

* * *

Наконец, третье письмо от министра иностранных дел Мирзы Абдул-Хасан-хана, тоже с клятвами британскому послу в непричастности шахского двора. Оно и само по себе содержало любопытные сведения. А уж с приписками-то...

«Никакой необходимости в грозных упреках с вашей стороны нет. События в столице и без того заняли позором наши несчастные головы. Но чернь настолько разбушевалась, что мы вынуждены были затворить ворота цитадели, чтобы не пропустить горожан к шахскому дворцу. Отправленные на помощь послу отряды принцев Зилли-эс-Салтанэ и Иман-Верди-Мирзы не смогли пробиться через толпу, такой плотной стеной она стояла. Вы требуете наказать виновных. Но нельзя же схватить и казнить весь город. Многие мятежники пришли из караван-сараев, из соседних селений. Никто не ведает их лиц!»

Тщетные оправдания. Что же опущено?

«Господин посол знает сам, что мы опирались на советы мистера Уиллока, вашего секретаря, которые передавал нам доктор Макнил. Мы затворили ворота крепости и выслали отряды для разгона толпы. Но так как воины вовсе не хотели идти спасать гяуров, с которыми только что воевали, их никто и не понукал, как упрямого осла. Все совершилось мгновенно, как удар молнии, и русским, по совести, некого винить, кроме своего посланника, зачем так очевидно становиться на сторону армян и пренебрегать потомками древнего народа, которым правил еще Искандер Великий?»

После того как Искандер их завоевал, усмехнулся Александр Христофорович. Уиллок – знакомое имя. Не его ли сэр Макдональд буквально выслал из Персии в Англию, а ему вернули опального подчиненного, едва не перевязанного алой ленточкой?

Бенкендорф пошел-порылся в дальнем секретере и достал донесения полуторагодовой давности. Так и есть. Посол Макдональд⁴⁶, аккредитованный в Тебризе, кстати не Лондоном, а Ост-Индской компанией, с первых дней невзлюбил склочного, склонного всех со всеми ссорить секретаря и отправил его в сопровождении – вот сюрприз! – полковника Александра домой. Но по дороге Джордж Уиллок останавливался в Константинополе и в Вене, где вел какие-то переговоры. В Австрии был допущен к Меттерниху. А в Лондоне?

---

⁴⁶ Макдональд Джон Киннейр (1782–1830) сэр, майор, посланник Ост-Индской компании в Персии, кавалер ордена Бани, автор мемуаров «Географические записки о Персидской империи» и «Путешествие по Малой Азии, Армении и Курдистану в 1813–1814». Друг А.С. Грибоедова, укрывший в своем доме в Тебризе его беременную жену Нину Чавчавадзе.

Прием у премьер-министра Веллингтона, у лорда-хранителя тайной печати Элленборо, у министра иностранных дел лорда Абердина... наших заклятых друзей.

А возвращается Уиллок в Персию через Петербург. Вот почему фамилия знакомая! Получает аудиенцию у Нессельроде и представляется поверенным в делах королевского правительства Великобритании. А Макдональд кто? Только представитель Ост-Индской компании? Так секретарь копал под шефа?

У Александра Христофоровича аж затылок заломило от напряжения. А если свалить бывшего начальника можно было только таким фейерверком с убийством посла? Ведь Макдональд откровенно прошляпил дело.

Бенкендорф обеими руками вцепился в документ. Здесь есть что-то еще, что-то еще...

«В конце концов мы скрыли и спасли от разъяренной толпы одного из служащих русской миссии господина Мальцова⁴⁷, – рассуждал Абдул-Хасан. – Это вполне правдивый свидетель произошедшего. Пусть он расскажет царю о том, что видел, и если северный властелин действительно так справедлив, как о нем говорят, он не покарает ни нас, ни посольного».

Дикари! Полагают, что мы способны убивать за дурные вести. К тому же осмеливается сомневаться в милосердии государя! Бенкендорф не мог не заметить, что чем ниже стоял персидский чиновник, тем наглее разговаривал. Близость к уличной толпе? Едва ли. Знание конкретных пружин дела? Скорее всего. Ведь писали-то они не «северному властелину», а британскому послу Макдональду, каждой строкой посланий изобличая его осведомленность и удивляясь, что их так запросто подставляет под удар сторона, которой они доверились.

Надо побеседовать с господином Мальцовым, когда его под конвоем доставят в столицу.

В дверь заглянула Катя.

– Можно мы хоть сегодня поедem в театр? – осведомилась она навечно обиженным тоном.

Знает он все ее резоны. Жених нужен. Срочно. Из хорошей фамилии. С состоянием. Где взять?

---

⁴⁷ Мальцов Иван Сергеевич (1807–1880), дипломат, литератор, секретарь русской миссии в Тегеране, единственный оставшийся в живых свидетель трагедии.

Глава 6. Сговор дам

Конец апреля. Варшава

Если вы надели изумрудно-зеленое шелковое платье, то павлинье перо в прическу неизбежно.

Графиня Анна Потоцкая, во втором супружестве Вонсович, сохранила за собой титул, которого не имел ее новый муж генерал. Точно звание было присуще ей от рождения, когда она еще именовалась мадемуазель Тышкевич. В Европе так не принято, но у нас если твой отец князь, то и его дети тоже. Дело не в землях, а в полновесности звучания. Все понимали.

Анна родилась в одном из красивейших дворцов континента. Под куполом с золотым голубем, среди бело-синих стен, облицованных турецкой обливной плиткой. Тогда Мокотув принадлежал последнему польскому королю Станиславу Августу Понятовскому⁴⁸ – виновнику гибели родной страны. С тех пор прошло очень-очень много лет. Графиня не любила вспоминать сколько. В ее годы надо быть щепетильной и щадить собственный возраст. Важно, что самое роскошное из варшавских поместий, набитое старой королевской рухлядью, теперь принадлежало ей. Перешло по наследству, через десять рук, от многочисленных родственников покойного горе-владыки.

Здесь, а не в залах Бельведера, где обитал цесаревич Константин, наместник и командующий войсками, билось истерзанное сердце Польши. В бело-желтых стенах будто распростертого по земле дворца. Самого барочно-порочного, самого роскошно-вычурного из всего, что могло когда-либо, кому-либо напоминать Версаль. Без его фонтанов, но с клумбами и висячими переходами над тишиной неглубоких вод.

Именно в Мокотуве графиня Анна выдавала замуж дочь Натали – нежную фиалку – за лейтенанта гвардии и адъютанта цесаревича Романа Сангушко. Молодого, богатого, пылавшего патриотизмом, но умевшего до поры до времени скрывать свои чувства под личиной холодного педантизма. Великий князь Константин ценит адъютанта именно за беззаветную преданность инструкциям, и так должно оставаться до дня, когда взрыв будет готов.

Графиня Вонсович не зря принимала у себя весь город. Даже простолюдинов. Для них были накрыты столы на нижней террасе парка – не в цветниках, а среди деревьев, чтобы плохо одетые гости не портили вид, но создавали впечатление многолюдства. Анна понимала, что разговоры о ее щедрости, любезности, роскоши будут держаться в столице еще целый год: хозяйку будут хвалить, а на ее мнение опираться. Она и ее друзья многое успеют за это время.

Так дела делаются.

Вошла Натали в подвенечном платье. Мать должна была убрать ей голову бриллиантами и прикрепить веточку флердоранжа к поясу. Парижский обычай, мигом подхваченный в Варшаве. Девушка конфузилась и готова была прыскать от смеха. Ей нравилось *выходить замуж*.

– Ты вся в меня, – похвалила Анна.

На самом деле Натали была робкой, как голубка, не способной ни к лукавству, ни к вероломству. Мать надеялась, что Роман Сангушко сумеет приглядеть за ней. Молодые люди выказывали столько расположения, столько заботы друг о друге, что всякий пожелал бы им много лет счастья. Никто не мог бы предположить, что всего через полтора года Роман примкнет к мятежникам⁴⁹, будет схвачен и окажется в Сибири, на руднике, в оковах... А его безутешная жена умрет в родах. Кто бы посмел обвинить счастливую за дочь Анну в том, что она сама кует молодым их страшную судьбу?

⁴⁸ Станислав Август Понятовский (1732–1798) – последний польский король и последний великий князь Литовский. При нем произошли три раздела Речи Посполитой, после чего он в 1795 г. отрекся от престола.

⁴⁹ Имеется в виду восстание в Польше 1830–1831 гг.

Графиня украшала невесте волосы и одновременно беседовала с двумя ясновельможными дамами – княгиней Сапега и очаровательной юной княгиней Радзивилл, недавно приехавшей в Варшаву. Только они удостоились права видеть невесту. Остальные разряженные кумушки теснились в будуаре хозяйки и на лестнице.

Под видом поздравления молодым они приехали поздравить саму Анну с ее удивительной победой в Вене. Окончив гардероб Натали, мадам Вонсович вышла к ним и полуприлегла на оттоманку с гнутой спинкой. Она допускала гостей к руке и гордо кивала головой, увенчанной золотой диадемой, – украшение, еще в юности вывезенное ею из Парижа и уже в Польше дополненное крупными бразильскими бриллиантами зеленоватого оттенка. Дома она называла диадему «подарком великого человека» – все сразу понимали какого.

– Наконец-то, – с предыханием проговорила генеральша Красиньская. – Если бы Бонапарт в свое время не предпочел эту смазливую дурочку Валевскую, мы добились бы большего... Но забудем о прошлом. Вместе с сыном великого человека вы даете нам будущее.

После нее к руке подошли Озерецкие, Четвертинские, Конопко. Да мало ли еще? За их спинами толпились Хлопицкие, Скржинецкие, Хмелевские, Хмелицкие, Любецкие, Калиновские, Влодек. Очередь растянулась от дверей будуара, через весь этаж, по ступеням до выхода в сад.

Тем временем мужа очаровательных посетительниц развлекали себя на улице перед дворцом за особым столиком с аперитивами. Господа вовсе не готовы были перейти на что-то серьезное, а за легким, сухим белым вином их языки становились острыми, как закуска с хреном. Что ни бокал, то собравшиеся сильнее честили великого князя. Он не собирал сеймов, не чтит конституцию, не соблюдал права собственных подданных. Раньше им очень неприятна была мысль, что придется вместе с русскими идти на войну – штурмовать турецкие крепости. Но стоило Константину отказаться, как офицеры впали в раздражение: мог бы отпустить войска. Ну хоть не все! Погуляли бы сабли по головам османов! Но война портит армию, и цесаревич никогда не доверит свою игрушку чужим рукам. Не просите!

– Да и баба у него какая-то квелая...

Тут бедную жену Константина княгиню Лович⁵⁰ наградили самыми нелестными прозвищами. Она не оправдала надежд польского общества. Еще хуже Валевской! Вышла замуж за властелина, но не сумела добиться от него ничего для несчастной родины. Теперь чахла в меланхолии, не в силах ни превозмочь природную кротость, ни смириться. А ее свирепый господин, хоть и лелеял ненаглядное семейное счастье, ни в чем не уступал ее неотступным просьбам за соотечественников.

Поэтому цесаревича с супругой не было на венчании – они жили в едва прикрытой конфронтации с остальным столичным обществом и принимали молодоженов с родней на следующий день в Бельведере.

Около 12-ти процессия двинулась в собор Святой Анны – единственное готическое сооружение среди прихотливого барокко. Служба прошла в торжественном, приподнятом настроении. Натали слушала орган с таким трогательным вниманием, точно высокие, уходящие к самому небу звуки лучше всяких проповедей готовили ее к роли супруги. Роман бросал на невесту чуть насмешливые взгляды, но было заметно, что и его трогает музыка.

Оба брата невесты – Август и Мориц – стояли у него за спиной. Одинаковые, поэтические выражения лиц делали их похожими друг на друга и на сестру.

«Какие у меня прекрасные дети! – думала Анна. – Как хорошо, что я сумела воспитать их преданными и чистыми!» Мориц вчера перед сном исповедовался ей. Он стыдился поступка

---

⁵⁰ Жанетта (Иоанна Антоновна) Лович, урожденная Грудзинская (1795–1831), княгиня, морганатическая супруга цесаревича Константина Павловича, ради которой он отказался от права наследовать трон. Получила от российского императора Александра I титул светлейшей княгини Ловицкой.

матери в Вене. Целомудренный мальчик! Но все его надежды на будущее родины связаны с герцогом Рейхштадтским. Он умрет за него.

Как ей сладостно знакомо это чувство! Как сильно оно переполняло ее саму в юности!

После венчания гостей ожидал торжественный обед, потом бал, потом очень поздний ужин, сервированный с необыкновенным изяществом. Около 12-ти Анна почувствовала, что очень устала и хочет подняться к себе.

В это время мажордом – такие сохранились только у очень богатых семей – в роскошной золотой, едва ли не камергерской, ливрее и белых перчатках трижды ударил об пол жезлом, увенчанным по случаю свадьбы букетиком белой акации, и провозгласил имя вновь прибывшей гостьи.

– Графиня Изабелла Чарторыйская!⁵¹

Все замерли. Старая хозяйка Пулав не выбиралась из своей резиденции десятилетиями. О ней давно все забыли. Казалось, она погребла себя под семейной рухлядью с незапамятных времен и, возможно, уже скончалась, безразличная к миру, безразличному к ней.

В зал вступила согбенная особа, вся в черном, без драгоценностей, и величественно прошествовала к месту хозяйки.

Конечно, графиня Вонсович из вежливости посылала ей приглашение. Ведь по обе стороны Вислы нет дамы знатнее! Но никто не думал, что она придет. Высунет голову из своей скорлупы. И вот теперь эта руина стояла перед Анной.

Замогильным, но ласковым голосом княгиня приветствовала молодых, пожелав им столько солнечных дней вместе, сколько они сами захотят. По знаку ее руки, затянутой в черное кружево – не из неуважения, а чтобы не показывать дряхлую кожу, – слуги внесли подарки. Роскошный севрский сервиз на 32 персоны, к нему полный серебряный комплект столовых приборов с блюдами, ванной для охлаждения шампанского и крышками для горячего.

Надо бы охнуть от восхищения, но страх перед каргой пересиливал в гостях остальные чувства. Она напоминала злую колдунью на крестинах сказочной принцессы.

Оглядев стол для молодых, где не было ни одного свободного места, – ведь ее никто не ожидал, – княгиня Изабелла усмехнулась каким-то своим мыслям и неожиданно зычным голосом провозгласила:

– Пора по домам, гости дорогие! Дайте покой жениху с невестой, им есть чем заняться. А ты, – ее мутноватые глаза обратились к Анне, – пойдем, проводи меня в уютное местечко. Нам найдется о чем потолковать. Да и моим старым костям нужен покой.

Каково! В собственном доме мадам Вонсович командовали! Но ни она, ни старая княгиня не видели в этом ничего необычного. Ведь Изабелла была намного более родовита – самая родовитая в зале. Ни Сапеги, ни многочисленные, как кролики, Потоцкие не смели с ней равняться. Радзивиллы, м-м-м-м, пожалуй, но только в Литве, никак не в Польше.

Анна встала. Низко, по-старинному, поклонилась гостье – при этом ее хваленая диадема едва не упала на пол. Хозяйка даже представила, как украшение покатится по наборному паркету. Как из него выскочит и даст досадную трещину центральный бриллиант «Бонапарт». Но нет, ничего не случилось.

Отдав гостям прощальный реверанс и знаком показав молодым, что они свободны, Вонсович сошла к гостье, поцеловала у нее руку и пригласила следовать за собой.

Они принадлежали к враждующим кланам. Что не мешало обеим вести себя с утонченной вежливостью. Даже напротив. Когда видишь противника так близко, хорошие манеры – лучшая броня.

---

⁵¹ Изабелла Чарторыйская (1746–1837), урожденная Флеминг, княгиня, мать Адама и Константина Чарторыйских, одна из самых влиятельных аристократок Польши, хозяйка знаменитого имения Пулавы, где часто останавливался Александр I, чтобы провести время в семье друга.

Спутницы поднялись на второй этаж и прошли чередой парадных залов, вслушиваясь в эхо балов прошлого века. Потом углубились в жилые покои, где царствовала элегантность без позолоты. Фисташковая гостиная – то, что надо, решила Анна.

– Присядем, – хозяйка указала старухе на кресла. – Чаю с дороги?

– Пожалуй. – Та еще не приобрела новомодных замашек хлебать кофе в любой час дня и ночи.

– Вы проделали долгий путь. Ваше здоровье...

Гостя подняла руку, прерывая поток любезностей, готовый сорваться у мадам Вонсович с губ.

– У меня нет времени, милочка. Простите. Обычно старые люди велеречивы. Они не осознают, как мало им осталось. Каждая минута на счету.

Анна в некотором изумлении смотрела на Чарторыйскую.

– Я вот все время думала, пока мы шли, – протянула гостя, – если случится, что у нас снова будет свой король, неужели вы уступите ему эту резиденцию, со всеми сокровищами?

Графиня чуть не рассмеялась.

– С какой стати? Я по рождению имею не меньшее отношение к короне, чем любой кандидат. Короли приходят и уходят, а магнатство остается.

Изабелла от восхищения чуть не ударила ее рукой по руке.

– Славно сказано! Клянусь, славно сказано. – Она выдержала паузу. – А если король будет не в вашем вкусе, вы намерены ему вредить?

Ах, вот зачем она приехала! Губы хозяйки разочарованно выгнулись.

– Вы так и не оставили надежду посадить на трон своего ненаглядного сына Адама?⁵² Эту рыбку-прилипалу покойного русского царя?

Старая графиня внимательно вглядывалась в лицо собеседницы. Анне показалось, что гостя замечает каждую морщинку, каждый провис кожи. Она усилием воли удержалась оттого, чтобы не схватиться за щеки – еще не дряблые, но вот-вот готовые поехать вниз – и прикрыть потерявший былую твердость подбородок. Что за наглость! Разве можно так немилосердно пялиться на другую женщину?

– Вы красивы, – констатировала Изабелла. – Не врожденной красотой. В юности у вас было много недостатков. С годами вы сумели их разгадать и победить, обращая внимание на достоинства. Я родилась красавицей, мне это было не нужно. Но я умею ценить дамские усилия. Тем более теперь, когда и ваши летние деньки на исходе, а меня давно знобит от стужи. – Она снова помолчала. – Я прошу вам непочтительный отзыв о моем сыне, который одной своей дружбой с царем Александром годами удерживал меч над головой Польши. – Чарторыйская дала собеседнице время осознать сказанное. – Я сделаю вид, будто вы этого не говорили. Но наперед избегайте подобных промахов.

Анна подобралась. Она привыкла с детства ненавидеть Чарторыйских за то, что они в конце прошлого века переметнулись к русским. Служили им. Хотя так сделали многие... Потоцкие, Четвертинские, даже Радзивиллы. До первого сильного врага, разумеется... Теперь, выходило, у перебежчиков своя правда?

Графиня вскинула голову. Все предали. Только не она!

Гостя похлопала ее по руке.

– И не я. Мужчины должны примиряться. Но мы – никогда. Только женщины, свободные уже потому, что у них все отобрано, могут сохранить душу попранного народа. Нет, мы не смиремся, сколько бы ни улыбались завоевателям. Я пришла, потому что именно вы способны

---

⁵² Чарторыйский Адам Ежи (1770–1861), князь, политический деятель, дипломат. Российский министр иностранных дел в 1804–1806 гг. Друг Александра I, инициатор создания Негласного комитета, фактически правительства при молодом монархе. Изменил императору при вступлении Наполеона в Россию в 1812 г. Один из руководителей восстания в Польше 1830–1831 гг., затем эмиграции поляков в Европе.

перевернуть мир. Бросить на чашу нашего рабства, страхов, унижения множество пламенных сердец и, наконец, перетянуть весы.

Анна не верила своим ушам.

– Да, мой сын Адам служил русскому царю. Но больше он ему не служит. Во время нашего великого возрождения при Наполеоне это можно было делать открыто. После разгрома – тайно. Помните: именно он уговорил Александра пощадить Польшу, когда на ее земли вновь накатила москальская орда. Эту услугу ему могут забыть только очень легкомысленные люди, – старуха с укором глянула Анне в глаза. – Надо уметь сопротивляться даже со связанными руками. Что за чудные у вас очи! – вдруг восхитилась она. – Я понимаю, почему столько мужчин искали вашей благосклонности. – Черный андалузский виноград!

Графиня сдержала улыбку. Ей неприятно было вспоминать, что темные, как переспелая слива, глаза под разлетом черных бровей ей достались от прабабки-казачки, а той – от неведомой турчанки, привезенной предками из похода. Пусть будет Андалузия. Лавры. Сид Завоеватель. Песнь о Роланде. Карл Великий. Славный Дюрендаль. Лишь бы сравнения не упархивали с Запада на Восток.

Принесли чай. Графиня сама наполнила чашки, а потом глянула на собеседницу.

– Чего вы хотите? Вы поддерживаете претензии вашего сына на корону. И в то же время готовы, как приехавшие сегодня кумушки, поздравить меня с успехом у герцога Рейхштадтского. Разве не мой триумф в Вене заманил вас сюда?

Старуха заулыбалась. На ее желтом морщинистом лице было написано: жаль, вы не моя дочь!

– Я бы хотела объединить усилия, – заявила она, с наслаждением отхлебывая из чашки. – О, отменно. Но, боюсь, жасмин будоражит нервы, а не успокаивает. Я бы посоветовала вербену.

– Объединиться? – Анна чуть не выронила прибор. – Ведь у нас разные цели.

Старуха снова похлопала ее по руке.

– Не на всех этапах, деточка. Не на всех этапах. Для начала нам обеим хорошо бы свалить москальского царя с нашего престола. Вы не находите? Не позволить ему короноваться в Варшаве. А дальше пусть борьба идет сама по себе, и пусть победит тот, кому улыбнется удача.

Мадам Вонсович задумалась.

– Я согласна, – наконец выдавила она. – Надо предотвратить коронацию. И я уверена: у австрийского канцлера Меттерниха уже есть план.

Изабелла глянула на нее очень снисходительно.

– У Меттерниха есть только то, что мы ему даем. Несколько горячих голов: молодые офицеры, монахи, студенты решили не допустить церемонии, схватив во время нее августейшую семью. Я дам вам имена и назову людей, с которыми надо связаться здесь, в Варшаве, чтобы проследить, подстраховать, направить. Их пылкая отвага не вызывает сомнений, а вот средства... Вы с вашими связями в высших сферах будете очень полезны. А я, со своей стороны, – Чарторыйская ослабилась, – беру на себя организацию дублирующего покушения в Пулавах. Ведь нет никакой гарантии, что первое удастся. Тогда царя нужно будет остановить. Со времен Александра, дружбу с которым вы ставите моему сыну в вину, на обратном пути домой цари всегда останавливаются у нас в имении. Я прослежу за всем у себя дома. А вы – в столице. По рукам?

Анна смотрела в лицо Изабеллы. «Что я теряю? – думала она. – Меттерних знает о покушении, но он не дал этих связей ни мне, ни герцогу Рейхштадтскому. Все хочет контролировать сам – мужская болезнь, а ведь это трудновато, сидя в Вене. Пришлось бы кому-то довериться. Но канцлер не может. С другой стороны, чего хочет княгиня? – Мадам Вонсович сощурилась. – Убийства царя? Но тогда на нас двинется рать с востока и, вероятно, сметет. Чего Чарторыйская не может не понимать. Значит, она недоговаривает. Монахи хотели бы в ключья разорвать

русского еретика, дерзнувшего сесть на польский трон. Но что потом? Общее восстание? Или корону наденет брат царя Константин? Чего не хотелось бы...»

Анна утвердилась в мысли, что у собеседницы своя игра, и та вовсе не выложит всех карт на стол. Но разузнать, а тем более предотвратить ее козни можно, только начав партию. Пока на стороне временного союзника.

– Хорошо, – кивнула мадам Вонсович, – я прослежу здесь в Варшаве за делом. Вы обратились к нужному человеку.

* * *

Старая княгиня вовсе не спешила покидать столицу. К ее услугам был просторный дворец сына, который назывался на французский манер – отель д'Адам.

Она любила своего бедного мальчика, отданного когда-то русским в залог мира. Никто тогда не знал, что несчастный изгнанник подружится с наследником. Что полюбит его жену, прекрасную и печальную Елизавету⁵³. Теперь оба в могиле. Но Адам еще жив. И не просто жив. На шестом десятке бодр, крепок, полон надежд на возрождение родины. О, он будет жить долго, и не только потому, что их порода держится до девяноста лет, а еще и потому что любопытствует увидеть дальнейшее развитие событий.

Его контакты с Лондоном прочны. Они завязались еще при Александре, но не прервались после ухода в отставку. Напротив, усилились. Правда, приобрели совершенно иной, неофициальный характер. И теперь, когда все бегает вокруг выставленной австрийцами погремушки в виде сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, Лондон велит ждать. Ждать, но вовсе не бездействовать.

– Вы нынче поздно, матушка, – Адам пришел пожелать старухе доброй ночи.

– Счастье мое, – княгиня уже сидела в креслах, а горничные переоблачали ее из пугающего черного одеяния со множеством колючих рюшей в домашний капот, впрочем, тоже весь кружевной. – Мне перед сном подадут вишневой наливки?

Адам склонился к руке матери.

– А трубочку? – поддразнил он. Княгиня покуривала, но тайно, в своем саду. Сын знал ее слабость, но на людях она его не позорила.

– Я сегодня была у Вонсович.

Удивление на лице Адама сменилось негодованием.

– Эта женщина порочит меня на всех перекрестках!

– Больше не будет, – примирительно заявила мать. – Мы договорились. Умная девочка. Кажется, догадалась, что я вожу ее за нос. Но в чем? Где? – Изабелла испытывала искреннее удовольствие. – Этого она понять не может. И злится. Так потешно!

– Осторожнее, мадам, – предостерег ее сын. – Вам когда-то казалось, что вы водите за нос императрицу Екатерину.

– И что? – насмешливо бросила старуха. – Я своего добила. Мы живы. Наше состояние цело. Ты даже был русским министром иностранных дел. И никто тебя не подозревал!

– Меня не подозревал только ангел Александр, – с обидой бросил сын. – Все остальные меня ненавидели. И не доверяли. Даже ангел Елизавета. – При заветном имени его глаза увлажнились.

– Полно, – потребовала Изабелла. – Что за страсть к немецким принцессам. Даже этот боров в эполетах, цесаревич Константин, излечился. А ты все стонешь.

– Такое прошлое прекрасно даже в могиле, – Адам достал платок.

---

⁵³ Елизавета Алексеевна (1779–1826), урожденная принцесса Луиза-Мария-Августа Баден-Дурлахская, супруга Александра I, российская императрица. По слухам, отцом ее дочери Марии, прожившей всего один год, был Адам Чарторыйский.

– Соберись, – старуха начинала сердиться. Что было, то прошло. Я бы тоже могла предаваться воспоминаниям и оплакивать давно потерянных возлюбленных. За исключением твоего отца, конечно.

– Зачем вы...

– Было бы глупо в моем возрасте иметь секреты от детей. – Княгиня приняла из рук горничной граненый стаканчик с наливкой. – Прости, душа моя, я бесстыдна, потому что стара. Обещаешь не выбрасывать мои молодые портреты? Я на них так хороша!

Адам никогда не мог понять, говорит ли его мать серьезно или шутит. Она обладала детским тщеславием и обнаруживала его совершенно открыто. А через минуту вела беседу с тонким знанием и проницательностью искусственного политика. Отец, несмотря на высокое положение, никогда не мог похвастаться ничем подобным.

– В Лондоне полагают смерть русского царя у нас неизбежной, – сообщил сын. – Лорд Элленгейм, хранитель тайной печати, выразился совершенно определенно. Мы между молотом и наковальней. Что делать?

Старуха задумалась.

– Им хорошо, – протянула она. – У себя на острове. Никто их не достанет. Эти господа далеко и могут позволить себе думать о том, как осложнить жизнь России, оставаясь безнаказанными. А мы? Перед ними даже не встает вопрос: что будет с Польшей, если царя убьют в Варшаве?

– Для них это способ вывести Петербург из войны со Стамбулом, – отозвался сын. – Но мы должны подумать о себе. Как лишит царя престола и не накликают на себя нашествие? Я уже не говорю еще одного кандидата в виде герцога Рейхштадтского? – Адам затосковал и знаком приказал горничной принести и себе стаканчик наливки.

Изабелла подняла на сына чуть насмешливые глаза. Нет, герцог Рейхштадтский им совсем не нужен. Лишний претендент. Яркое наполеоновское знамя. Стоит им помахать, и половина Польши встанет за него только из чувства противоречия, забыв, что рядом, дома есть готовый кандидат, который уже сто раз спасал свой народ от погрома со стороны русских головорезов.

– Так что делать? – интонации его голоса были просительными, как в детстве, когда срывался с привязи любимый отцовский скакун или улетал хороший дрессированный кречет.

– Кто может помешать Николаю? – со сдержанным раздражением потребовала мать. – Константин. Значит, через него и будем действовать. О, не через самого, – она заметила скептическое выражение на лице у сына. – Он слишком горяч и вздорен. Но, вероятно, в его окружении есть люди, которые много потеряют, если младший брат коронуется в Варшаве, как короновался в Москве. Ведь меланхоличка Лович могла бы стать нашей королевой. А воспитатель цесаревича генерал Курута – наместником. Чисто гипотетически.

Княгиня Изабелла прекрасно видела, как напрягся ее Адам. Он с юности не ладил с Константином. Его отношения с Александром всегда были идиллическими, даже теперь князь говорил о старом друге и господине как о небожителе. А ведь знал и слабости, и откровенные промахи Ангела⁵⁴.

С Константином было иначе. Тот невзлюбил молодого поляка с первого знакомства и всегда ревновал к нему брата. Потому что в своем дремучем сердце не мог принять, что у Александра есть более утонченные и просвещенные друзья, далекие от солдафонства.

В Польше они соперничали. Цесаревич не мог простить Чарторийскому его предательства в годы войны. Адам ему – неумения ценить даров Александра для побежденного народа – конституции, сейма, прав...

---

⁵⁴ Ангел – прозвище Александра I в узком кругу семьи и приближенных.

– Остановись, – потребовала старая княгиня. – Не растравляй себе душу. Не в Константине теперь дело. Его надо открыто поссорить с братом. Втайне их отношения, думаю, давно испорчены. – Изабелла кивнула своим мыслям, будто вела разговор не с сыном, а с внутренним собеседником. – Надо противопоставить капризы цесаревича воле брата. Ведь он когда чего-то по-настоящему захочет, то упрется в землю всеми четырьмя копытами. Как кабанчик. Один скандал с женитьбой на Лович чего стоит.

Да, Адам был согласен. Ради Жанетты цесаревич вышел из повиновения семье и пожертвовал правом на корону.

– Значит, будем действовать через нее, – бодро заключила старая княгиня. – А уже ее забота – настроить мужа против Николая.

– Бесплезно, – Адам нахмурился. – Еще никому не удавалось вывести бедняжку из полного повиновения супругу и заставить хоть что-то ему внушить. Она побаивается и трепетно любит этого уroda!

– Любит? – Княгиня пожевала губами. – Так это же прекрасно, дитя мое. На нее можно влиять. Говоришь, еще никто ни разу... Так ведь еще ни разу никто не угрожал положению Константина. – Старуха хлопнула ладонью по подлокотнику кресла. – Мне надо встретиться с этой несчастной девочкой. Устрой мне визит в Бельведер.

* * *

Пожелав матери доброй ночи, князь Адам поднялся к себе в кабинет, сел за уютный письменный стол с боковыми полукруглыми стенками и похлопал по зеленому обивочному сукну конвертами, складывая их в аккуратную пачку. Сегодняшняя почта – вся из пустейших родственных эпистол, привычных жалоб на великого князя – что он-то может сделать? А вот вчера было одно послание, от министра иностранных дел лорда Абердина⁵⁵. Его следовало перечитать.

Адам щелкнул потайным замочком и вынул распечатанный лист из-за ложной панели.

«Милостивый государь, Ваша неоценимая помощь...» Тра-та-та... «Британия всегда была и всегда останется надежной опорой своих друзей...» И так ясно... Ах вот оно: «Продолжение Россией войны на Балканах совершенно противоречит целям мирного переустройства континента на основе равновесия сил небольших, но благоустроенных государств, к которым не будет преждевременно причислить и Польшу под управлением справедливого конституционного монарха, охраняющего законность и свято блюдушего права подданных...»

Князь сдержанно улыбнулся, узнавая в описании самого себя.

«Таким монархом не может быть русский царь по причинам Вам хорошо известным. Порядки, установленные им на завоеванных землях, совершенно противоречат просвещению и законности. Его коронация в Варшаве лишь осложнит дело. В то время как отказ от нее, добровольный или вынужденный, станет не только первым шагом на пути грядущего освобождения Ваших соотечественников, но и поможет сдерживанию России от Балкан до Кавказа и Среднего Востока.»

Адам улыбнулся. Знает он, на что направлены намеки лорда Абердина. Россия должна остановиться и отдать все уже завоеванное туркам, в этом поможет новый удар со стороны Персии, недаром же зарезали посла. Князь поежился, он знал господина Грибоедова еще моло-

---

⁵⁵ Джордж Гамильтон-Гордон, 4-й граф Абердин (1783–1860), один из лидеров тори, министр иностранных дел в 1828–1830 гг., премьер-министр в 1852–1855 гг.

дым, подающим большие надежды... В этой игре Польша – отвлекающий маневр, не более. Ради кого? Турции, Каджаров? Или самих русских? Чарторыйский был хорошим дипломатом, умел держать свою неприязнь в узде, умел здраво оценивать ситуацию. Сейчас и его соотечественники, и султан, и персы – всего лишь веревки, которыми стараются связать руки главному сопернику. Он же сам остается неизменен.

«Если удастся вызвать ссору между цесаревичем Константином, который фактически правит Вашей страной, и его братом, если последний откажется от идеи коронации, это как нельзя более поспособствует нашим видам, а в самой Польше ободрит патриотов и возродит угасшую было надежду на освобождение».

Знает он, чем можно вызвать гнев Николая и спровоцировать ссору. Этими вот жалобами! Князь Адам взял со стола пачку сегодняшних писем и, открыв нижний ящик, присовокупил их к другим, сходного содержания. Николай по природе справедлив, этого не отнимешь. Если он узнает о вопиющих нарушениях, которые творит его брат, он может не сдержаться. Оба горячи. Наговорят с три короба. Хорошо, если не подерутся.

«Если же после этого по несчастному стечению обстоятельств русский царь покинет мир...» То все подумают, будто ловушку брату подстроил Константин. И придет время справедливо негодовать. *«Ваши соотечественники восстанут не как мятежники и нарушители присяги, а как верные подданные, потрясенные бесчеловечием и коварством цесаревича. А вакантный трон в самом Петербурге породит столько неурядиц в нестабильной деспотической стране, что русские надолго будут заняты внутренними распрями и не станут помешлять о делах за своими рубежами».*

Вот этими словами лорд Абердин выдавал главную заботу своего кабинета. Как Адам и считал – не о Польше, Турции или Персии. Но в тот момент, когда большие игроки заняты друг другом, у малых появляется шанс. Адам зевнул. Все, о чем его просили из Лондона, он мог устроить. Но с легкими поправками. Чтобы соблюсти собственный интерес.

Глава 7. Цесаревич

Середина апреля. Варшава. Дворец Бельведер

Бельведерский дворец в Варшаве походил сразу на все загородные резиденции под Петербургом. С главного фасада – на Стрельню, где великий князь Константин провел молодые, не столь счастливые годы. Те же высокие полукруглые арки, та же шатровая крыша. На Таврический, где бабка Екатерина доживала последние годы и где второй из внуков застал ее с князем Зубовым, последним фаворитом, какой скандал! Та же распростертость по земле, низкий фундамент, классический портик и широкий двор для карет: к его высочеству на поклон ездят толпы гостей-просителей.

На Павловск – гнездо матери – английским парком с прудом и каналами. Стенами на взгорье, усыпанном то зеленой, то желтой, то красно-бурой листвой дубов и кленов. Только зимой он был отменно нехорош – белый на белом. Во внутренних комнатах тоже все было белым-бело. Любимый цвет Константина. Зачем помпезность? Здесь жить, а не спектакли разыгрывать. Для разнообразия хватит люстр темной бронзы или светло-салатового мрамора на полу, ковров «от моря до моря», т. е. от стены к стене. Таков был его стиль, и женщину цесаревич выбрал под стать – зимнюю, без красок. Но нежную-нежную...

Не было только одной очевидной параллели ни во внешнем облике дворца, ни в убранстве залов. Михайловский замок, где погиб император Павел, остался как бы за рамками такого тихого, такого семейного Бельведера. Никаких подъемных мостов, башен, рвов, ничего готического, рыцарственного и предательского одновременно. Константин хорошо помнил, как роковой мартовской ночью его приволокли в покои рыдающего брата Александра, как им распоряжались пьяные офицеры-заговорщики и как он решил, что всю их семью убьют. Ничего похожего не было и не могло быть в доме его истинного счастья! Там, где милая Жанетта безвольными с виду руками вычистила паутину из его мыслей. И заглянула кроткими, без тени упрека глазами прямо в его душу: «Хороший мой, бедный мой!»

И он думать забыл, даже повторять перестал: «Меня удавят, как папеньку!» Не удавят. Потому что у изголовья его кровати встал нежный ангел с пальмовой веткой в руках – разгонять дурные сны и лелеять добрые.

Такую женщину Константин не отдал бы никому. И она его не отдала бы, это он знал наверняка. Посапывала рядом коротким носиком, чуть улыбалась во сне. Плевать, чего хотят ее соотечественники. Плевать, чего хотят за лесами-болотами русские, вроде бы его родная кровь. Есть только они. Они двое. Как предстали когда-то перед Богом – об этом своем шаге цесаревич никогда не жалел.

Жанетта повернулась на другой бок и, не просыпаясь, взяла его за толстый палец. Ей сразу стало безопасно, и она глубоко нырнула в дрему. Милая! Константин чуть не умер от тихого наплыва счастья. И так каждый день. Едва он видел ее стройную фигурку или встречался с ласковым взглядом жены, таял снеговиком под лучами солнца.

Их спальня, как почти все в Бельведере, наполнялась белым, почти девическим светом. Только ковер, на котором настоял великий князь – неприятно же спускать ноги на холодные плитки, – был ярким, красно-синим с коричневым восточным орнаментом. Фальшивая нота! Но Константин потребовал, и Жанетта, как всегда, согласилась.

Она открыла глаза, увидела мужа, по-детски разулыбалась ему. С тех пор как старая любовница Константина, госпожа Вейс, шесть лет назад покинула Варшаву, их счастью ничто не угрожало. Единственное огорчение Жанетты – принадлежность ее ненаглядного к восточной ереси. Он не католик! Но тут уж ничего нельзя поделать. Его семья, его страна разделяли ужасное заблуждение, и, если бы кто-то узнал, что он питает симпатии к католицизму, разразился бы страшный скандал! Ему бы не простили. И весьма быстро заменили на посту.

Жанетта это знала. Уж и без того крайняя душевная деликатность заставила его не требовать перехода жены в православие, тогда как все супруги великих князей, владетельные особы, королевские дочери, настоящие принцессы, под венцом меняли веру. Но не она. Истинная голубица святого Петра.

Княгиня ценила чувствительность мужа, понимала настороженность его родни. Да, ей оставалось только плакать о его собственных заблуждениях. Но она сразу свела на нет общение с любыми проповедниками, епископами и кардиналами – польскими или присланными из Рима, – которые пытались через нее подобраться к супругу и надеялись склонить его на свою сторону.

– Мой муж нерелигиозен, – был ее ответ. Что не совсем правда. Константин верил, глубоко в душе, и, кажется, не отдавая особого предпочтения конфессиям. Все они... только для людей. Бог же видит сердце и не делает различий – таково было его убеждение. Он не давил на жену, воспитанную в вере отцов, позволял ей встречаться с пасторами, терпеливо слушал, что она выписала из очередной нравоучительной книги. Но и только. Ее сердце не могло не болеть.

– Ты обеспокоен? – спросила Жанетта, подсунув кулачок под щеку и не отрывая головы от подушки.

– Да-а, – с раздражением бросил великий князь и закинул руки за голову. – Ездят тут всякие по гостям, а потом короны пропадают.

Супруга мигом поняла, о ком он. Император Николай все-таки вознамерился короноваться. Ему мало было надеть венец, по праву принадлежавший старшему брату. Теперь он забирал и польский трон, который Константин хранил незнамо для кого. Ведь сам не сядет и не просите!

Цесаревич вообще предпочел бы все оставить, как есть – в подвешенном состоянии. Чуть тронь – оборвется. Здесь он походил на старшего брата, покойного Александра. Никогда не умел прямо сказать, чего в действительности хочет. Кроме случая женитьбы на ней, конечно.

– Но Николай не угроза. Он ничуть не переменялся ни к тебе, ни ко мне с тех пор, как стал царем. – Жанетта хорошо относилась к младшему брату мужа еще в его бытность великим князем. Только не понимала, как он может править: такой простой! Ни сожалений о прошлом, ни глубоких надломов, ни осознания своей изначальной греховности, а значит, обреченности. Что русские в нем находят? И если находят, то какая примитивная, грубая душой нация! В Константине ее всегда манил спрятанный излом, чувство вины – ни за что, за гибель отца, в которой он-то совсем не виноват. Но винит себя... О! как сладостно врачевать эти неуврачуемые раны. Какое томление от чужой боли, которая ищет выхода и больше не находит его ни в диких поступках, ни в пьянстве, ни в придирках к людям – только в облегчающих сердце слезах у нее на коленях.

– Разве Николай хочет у тебя что-то отнять?

Константин обиженно засопел: хочет! Уже взял корону, хотя должен был струсить и обосраться 14-го. Этого Жанетте муж, конечно, не сказал. Знал, что она с его братцем давно спелась. В прямом смысле. Когда аккомпанировала на фортепьяно. А Никс тянул арии. У него голос недурен. Хитрец! Сумел змеей заползти даже в чистое искренне сердечко невестки. Ну да он, Константин, его насквозь видит.

Единственное. Последнее. Он хочет остаться тут. И чтобы ничего не менялось. Хоть кулаком по столу стучи!

– Послушай, Жансю. – Муж грузно перевернулся на живот, даже стали видны рыжие волоски на необъятном брюхе под задравшейся рубашкой. – Я забочусь только о нашем благополучии. Николай со своим желанием во что бы то ни стало, немедленно короноваться – ему угроза.

– Но почему? – Женщина хлопала удивленными глазами, ее ресницы загибались настолько, что касались век. – Разве он отзывает тебя в Петербург? Снимает с должности? Скажи, что не поедешь. Здесь наш дом. Ты останешься, хоть частным лицом.

«Глупая, конечно, не поеду!»

– Никс вовсе не снимает меня с должности. – Цесаревич вновь повернулся на спину, одной рукой обнял супругу, приспособив ее голову у себя на плече. – Нет, не снимает. Да ему и не по силам. Но, как только он коронуется, мне станет здесь тесно. – Константин запустил два пальца за ворот ночной сорочки, тугой, как у мундира. – Из Петербурга понаедут новые люди. Его люди. Те, кому он доверяет, а я – нет. – Цесаревич продолжал обиженно сопеть. – Здешние жалобщики начнут с прошениями бегать в Россию, а не ко мне. Ведь на меня же и жалуются!

«Но ты подаешь им изрядное число поводов», – вздохнула Жанетта.

– Пока Никс занят делами дома, пока он вдалеке и как будто не имеет к Польше никакого отношения, – гнул свое великий князь, – оно и хорошо. Его здесь никто особо не считает властелином, и к нему никто с наветами на меня не обращается. А там... – Муж махнул в воздухе деревянной негнущейся ладонью. – Сама увидишь, что будет. Соберет мешка три возмущенных писем, предъявит мне и отошлет отсюда. Заставит жить безвылазно в Стрельне, – Константин затосковал. – Запрет, как медведя в зверинце. Ключ оставит у себя. И будет пускать тебя только по воскресеньям. Со мной такое уже было! Когда меня оклеветали, будто я убил ту женщину... француженку, Араджио...⁵⁶ И весь город поверил! А это не я, не я! – Он чуть не заплакал. Такой большущий. Пятьдесят лет, взрослый человек. Остатки волос торчком, пузо на одеяле, как арбуз, ноги-столбы, а хуже ребенка. – Ведь ты веришь мне?

– Конечно, верю. – Жанетта обхватила его всклокоченную голову. – Если бы не верила, как бы пошла замуж?

«Да ты и мухи не обидишь, мой дуралей! Только с виду грозный. И этим-то видом вкуче с дурными привычками все пользовались, чтобы выставлять тебя чудовищем. Больше не дам!» – Жанетта ласково поцеловала мужа. Какая гадкая у него все-таки была мать! Столько любви, столько нежности в этом человеке, и все никому не нужно! Другие качества нужны на троне? Так он и не хочет на трон! Хочет только, чтобы его оставили в покое.

– Ты действительно полагаешь, что коронация Николая опасна для нас? – переспросила жена.

Константин замотал головой.

– Не опасна. Нежелательна. Потому что в конечном счете все сведется к одному: как заставить меня покинуть Варшаву? А я уезжать не собираюсь. Так-то. – Он сел в кровати, все еще что-то ворча не то на брата, не то на апрельский холод. – Сегодня вечером придут Фикельмоны. Надо принять их как можно любезнее. Он – новый австрийский посланник в Петербурге. Вена отнюдь не заинтересована в том, чтобы Николай вмешивался в мои польские дела со своей императорской меркой. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы уверить эмиссара Меттерниха: я ему не враг. А ты займи его супругу. Помни, что она – внучка Кутузова и будет весьма влиятельна в Петербурге.

Жанетта вздохнула. Вновь ей, скромнейшему созданию, предстоит играть роль супруги первого лица Польши, властной и знающей себе цену светской дамы... Она этого терпеть не может.

---

⁵⁶ Араджио (Араужо). Вдова португальского консула в Петербурге, француженка. Умерла в 1802 г. в результате неудачного аборта. В ее изнасиловании и убийстве обвинили великого князя Константина, в результате чего от него бежала первая супруга Анна Федоровна, урожденная принцесса Юлиана Саксен-Кобургская, а он сам вынужден был безвыездно жить в загородной резиденции Стрельне. Об этом случае смотри в книге автора «Последний часовой».

* * *

Как одеться на званый вечер в самом узком кругу? Дарья Федоровна с утра примеряла то одно, то другое. Слишком ярко – только для Неаполя. Слишком чопорно – только для Вены. Слишком пышно – на бал. Слишком строго – в церковь. Наконец, было выбрано голубое платье из шелкового репса с большим полупрозрачным кружевным воротником, наподобие косынки прикрывавшим плечи.

Великокняжеская чета, вернее цесаревич и его непонятная супруга, принимали посла в Бельведере. И сразу, при одном взгляде на мягкую, облаченную «по-домашнему» – в белое муслиновое платье – княгиню Лович, у посланницы отлегло от сердца: исчезла малейшая скованность. Милейшее создание! Такая тихая, словно вода, защищенная от ветра, – ни одно душевное движение не сминает гладь, не поднимает со дна мути.

– Вы проездом? Надеюсь, Варшава вам нравится?

Как можно сказать: нет? Хотя дома графиня Фикельмон записала в дневнике: «Провинциальный город с беспорядочной застройкой и дурными тротуарами. У дам ни одного хорошего туалета».

– Мы движемся из Вены.

– Поистине большой город. Здоров ли старый император Франц? Вы видели этого несчастного мальчика герцога Рейхштадтского?

Последний вопрос княгини выдавал не столько холодное светское любопытство, сколько участие.

– Да, я видела его один раз, – отозвалась посланница, внимательно следя за лицом Лович. За что же ее так немилосердно судят в остальной Варшаве? За неумение давить на мужа и добиваться поблажек для соотечественников? Последнее ей, как видно, нелегко сносить, отсюда и апатия.

– Государь здоров, – произнесла Дарья Федоровна. – А бедный сын Бонапарта напоминает птичку в клетке. Его положение понятно ему самому и причиняет много страданий.

– Страданий, – с явным сочувствием повторила княгиня.

«Как он интересен своим несчастьем!» – почти испугалась за герцога мадам Фикельмон.

– Мне довелось танцевать и говорить с ним, – вслух произнесла она. – Его мысли глубоки. Но он привык их скрывать. Привык таиться, вы понимаете?

– О-о, – протянула собеседница. – Очень понимаю.

– Сейчас трудно сказать, какое будущее его ожидает, – продолжала гостя. – Но на его челе читается великая судьба, отягощенная муками сердца.

Можно ли было понравиться Жанетте больше? Она и сама не знала, кто пленил ее сильнее: посланница или несчастный Франсуа-Наполеон? Известный ей только с чужих слов, но такой милый в своем горе! Каков он станет? Чья сущность перетянет в нем? Отца или матери? Тьма или свет? Очень важное решение.

Теперь Жанетта знала, о чем будет думать и за кого молиться в ближайшие дни.

– Дорогая княгиня, – собравшись с духом, сказала госпожа Фикельмон, – в Вене я имела счастье познакомиться с графиней Вонсович.

Гостя заметила, что хозяйка мигом напряглась, даже случайно стукнула серебряной ложкой по краю чашки, чего никогда не позволила бы себе в минуту полного душевного равновесия.

– Не примите мои слова за бестактность, – настойчиво повторила гостя, – но здесь, в Варшаве, я узнала, что правительство высылает из города всех подозрительных особ. Не мое дело, но в таком случае разве стоит оставлять в обществе, в свете такую влиятельную суму-

сбродку? Она со своей горячей головой и идеями, далекими от преданности монарху, способна всколыхнуть недовольство.

Лович подобралась. Сразу было видно, что тема ей неприятна и даже слишком хорошо известна.

– Что же с ней делать? – Жанетта развела руками. – Ее главное поместье Мокотув – едва ли не часть Варшавы. Да и где вы возьмете довольных? Не можем же мы выслать весь город.

Дарья Федоровна помедлила.

– Я не даю советов. Но в дни коронации такой багаж в столице вряд ли уместен.

Кажется, эти слова следовало сказать великому князю, а не его супруге, у которой на лице застыло столь хорошо знакомое мадам Фикельмон выражение: это не тема для дамской беседы. Неужели женщины должны говорить только о рукоделии?!

– Я покажу вам наше собрание картин. – Княгиня Лович поднялась, вынуждая тем самым и гостью встать из-за чайного столика.

* * *

Тем временем мужчины вели свою, куда более заинтересовавшую бы посланницу беседу. Они расположились в курительной. Великий князь норовил превратить в продымленный салон любую комнату. Летом и осенью Жанетта выгоняла его с сигарой на балкон. Но сейчас было еще слишком холодно, даже в сюртуке, и цесаревич курил у камина, стоя к нему спиной и заложив руки в карманы.

– Итак, вы едете в Петербург для того, чтобы гнуть там линию канцлера Меттерниха? – Лучше всего Константину давалась роль простодушного, прямолинейного солдафона.

Его собеседник тонко улыбнулся. Он понаслышке знал, как умен и изворотлив цесаревич. Шутка ли – не поехать в Петербург, когда тебя ждет корона, а вместе с ней и заговорщики! Это не каприз, не слабость, не преданность раз и навсегда данному слову, а дальний расчет. Пусть он и не вполне оправдался: брат, которого ты намеревался похоронить, похоронил мятежников. Но важно, что твоя голова осталась в недосягаемости. Не зря заговорщики именовали Константина «старым котиком», в отличие от «котенка» Николая. Додразнились!

– Австрия в первую очередь заинтересована в дружеских отношениях между двумя дворами, – Шарль-Луи сказал банальность.

– Стало быть, Священный союз решено похоронить? – настаивал великий князь. – И господин Меттерних с вами согласен? Вы готовы вывесить белый флаг?

Посланник пока не понял, чего от него добиваются. Чтобы он сказал правду? Россия своей войной против Турции закопала прежний альянс континентальных держав, даже не написав на камне имени почившего. А еще оккупировала Молдавию и Валахию, на которые австрийская корона привыкла посматривать как на свои будущие провинции.

– Сознаюсь, нас не может радовать тот факт, что держава, прежде поддерживавшая сходные с нами принципы, теперь покровительствует бунтовщикам-грекам. Возмутились ли подданные против султана-магометанина или против христианского владыки – все равно, принцип остается принципом. – Шарль-Луи быстро глянул в лицо великого князя. – Что бы вы стали делать, восстань сегодня ваши польские подданные?

Посланник ожидал, что на лице цесаревича возникнет выражение: давить! Тот и правда набычился, но за угрожающей миной Фикельмону почудилось что-то растерянное, беспомощное, почти жалкое.

– До тех пор, пока моя армия стоит на страже благополучия этого королевства, опасаться нечего.

Шарль-Луи отметил только, что цесаревич назвал польские войска «моя армия».

– Вы поэтому не отправили ее на турецкий театр военных действий? – невинно спросил он. – К императору Николаю? Остерегайтесь мятежа?

Константин сдвинул косматые брови.

– Меня глубоко задело бы, если бы части, которые обязаны мне своим существованием, ушли бы на войну без меня, – отчеканил он. – А уж удобно или неудобно было бы мое присутствие их командующим, в какое положение перед державами оно поставило бы брата – разве все это имеет значение, когда обсуждаются рыцарские приоритеты августейших особ?

Фикельмон понял, что собеседник глубоко уязвлен отказом царя принять его вместе с польской армией на Дунае. И что теперь он выговаривает то, что не осмеливается сказать в письме к императору Николаю. Не путает адресатов, а просто хочет поставить австрийского посла в курс своей позиции: ему все равно, хоть небо тресни! Капризный и упрямый себялюбец, констатировал Шарль-Луи. Но вместе с тем опытный, наторевший в дипломатических намеках лицедей, не хуже брата Александра.

«А ведь он Николаю совсем не друг», – решил посол.

– Ваш покойный брат царь Александр создал систему, которая удовлетворяла интересам всех континентальных держав. Основанный им рука об руку с монархами Австрии и Пруссии Священный союз сдерживал и карал мятежников по всей Европе. Наследник Благословенного царя грубо поправил эти принципы и если в его собственной державе разгорится огонь, то вряд ли ему поспешат помочь.

«То-то вы спешили помочь в 25-м году, – хмыкнул Константин. – Даже выгораживали некоторых главных подозреваемых. Трубецкого, например».

– Это была частная, семейная ошибка нашего посла Лебцельтерна, – поспешил оправдаться Шарль-Луи, легко поняв ход мыслей собеседника.

– За которую он поплатился местом, – кивнул цесаревич. – Не совершите подобной оплошности.

Грубость, конечно, но грубость сознательная. Предупреждение, как минимум. Как максимум – угроза.

Посол не привык, чтобы им помыкали. Он не просто дипломат. Он генерал. Стоит ли с ним говорить в таком тоне?

– Австрийский эмиссар не принимает приказов даже от августейших особ других держав, – отчеканил он. – Мой предшественник вел себя недопустимо. Извинения принесены. Посол отозван. Не хотите же вы и меня упрекать за то, чего я еще не делал!

– Но можете. – Константина тоже трудно было напугать. Он сам умел устраивать демарши и громко, при всех, говорить неудобные вещи. – Мой незабвенный брат Александр оставил Европе золотое дитя – Священный союз, – чтобы больше никогда не могло произойти ничего подобного революции и войнам Бонапарта. Четыре миллиона жизней, подумать только! Какой мор, какая война унесла столько же? – глубоко спрятанные под нависшими бровями глаза цесаревича засверкали. – И что же мы видим? Союз – эту гарантию всеобщего мира – надо было лелеять, защищать и охранять как зеницу ока. Но своекорыстие некоторых членов, – собеседник готов был ткнуть толстым пальцем посла в грудь, будто тот был сам Меттерних, – своекорыстие некоторых членов подточило альянс изнутри. Ваш канцлер хвастался перед другими кабинетами влиянием на моего покойного брата. Выставлял его слабым, безвольным, внушаемым. Чего никогда не было. Вы оскорбили нас задолго до 14 декабря. Что же оставалось делать, кроме как послать вашей компании прощальный привет? – Константин сделал ручкой. – А теперь господин Меттерних готовит на польский престол своего кандидата.

Фикельмон обомлел. Он не думал, что цесаревич осведомлен о святой святых венской политики.

– Вы полагаете, у меня нет источников? – снисходительно пожал плечами собеседник. – Графиня Вонсович уже растрезвонила по всей Варшаве о своем грандиозном успехе в постели

Наполеонова щенка, прошу прощения, будущего польского короля Франциска Первого, у нас с таким именем еще никого не было.

Какое бы унижение ни чувствовал посол, он почти машинально отметил это «у нас».

– Или вы думаете, что источников нет у моего брата? – продолжал цесаревич. – Как бы прост он ни был – а на самом деле мой брат совсем непрост, – такие шаги господина Меттерниха окончательно отвратят его от союза с Веной. Ваш канцлер сначала своим неумеренным хвастовством, а затем детским, недостойным великой державы коварством погубил дело жизни моего покойного благодетеля, незабвенного Александра, которого я не постесняюсь назвать Александром Великим. Монархом Мира, а не Войны. – Константин потряс перед лицом гостя руками, а затем совсем спокойно, будто и не бесновался секунду назад, спросил: – И вы полагаете, будто я прошу вам это?

Фикельмон был озадачен. Если великий князь, и даже сам император, знают о герцоге Рейхштадтском, то есть ли у замыслов Меттерниха будущее? Не следует ли все в отношениях держав начинать с чистого листа? Даже не пытаюсь апеллировать к вчерашним договоренностям?

– Принципы Священного союза крепки в каждом из моих братьев, – сказал Константин. – Россия предпочла не вольнодумство греков тишине и покою Европы, а свой интерес слишком явно выпяченному интересу Австрии. Только и всего. Судить ли человека на улице за то, что он предпочитает свою шубу желанию соседа согреться? Тем более за его счет.

Шарль-Луи мог бы согласиться. Но ведь и у его страны есть свои интересы.

– Вы можете ехать отсюда прямо в Петербург или остаться на коронацию, – криво усмехнулся цесаревич, – если туалеты жены позволяют. В любом случае вам придется говорить с моим братом напрямую, так, словно господин Меттерних не стоит за вашими плечами. Если Никс вам поверит, вы достигнете успеха.

Снова посол неосознанно отметил, что великий князь назвал императора домашним, уменьшительным прозвищем. Без должного уважения.

– Спасибо за совет. – Фикельмон поклонился. – Но ведь не только греки у турок. Венгры у нас. Поляки у вас. На кого вы обопретесь, если они вздумают бунтовать?

Цесаревич улыбнулся послу как родному.

– Случись России оступиться, ей никто не поможет. Она будет один на один с любой бедой, как уже случилось в двенадцатом году. В этом правда. Я ее понимаю. Мой незабвенный брат Александр понял по опыту. А Никс, кажется, родился с этим знанием. Мы одни. Хотя часто жертвуем для союзников. – Константин развел руками. – Большой и сильный должен давать, не требуя ничего взамен. – Он помедлил. – Возможно, моя династия потеряет польские провинции. Я вижу это каждый день в глазах моих офицеров, как бы ни хотел доверять им. Я сам теперь уж поляк – не русский и не немец. Но, – цесаревич поднял палец, – и вашему парнишке, этому последышу Бонапарта, здесь нечего искать. Как бы господин Меттерних ни старался.

* * *

Вечером, ложась спать, Шарль-Луи сказал жене:

– Великий князь Константин очень умный, хотя и своеобразный человек. Я не хотел бы иметь его своим владыкой.

Дарья Федоровна поцеловала супруга в лоб.

– Слава богу, нами правит добрейший и достойнейший император Франц, истинный подарок человечеству.

– Так всегда и говори, – рассмеялся Фикельмон. – Но помни, что в Петербурге нам придется действовать так, будто плутни князя Меттерниха – *это только* его плутни. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Супруга кивнула.

– Мы сами должны быть выше этого. И демонстрировать понимание между державами. Чтобы, когда восстанут венгры, у русского императора хватило благородства или чувства самосохранения, называй как хочешь, нам помочь.

– Венгры? – Молодая женщина даже села в кровати. – С чего? Они прекрасно устроены. – Ей не понравилась снисходительная улыбка на лице мужа. – В любом случае это будет крайняя неблагодарность к короне, которая столько веков защищала их от турок!

Шарль-Луи готов был высмеять ее праведный гнев, но тема казалась не из веселых и могла повести к дальнейшим разногласиям, чего перед сном он совсем не хотел.

– Скорее уж восстанут поляки, – упрямо заявила жена. – Мне искренне жаль их. Такие храбрые и такие несчастные! Но меня пугает сама мысль о бунте. Бешенстве черни. Убийствах. Не приведи Бог. Поэтому я сегодня и намекнула супруге цесаревича на поведение графини Вонсович. Она с ее сумасбродной головой...

– Ты предупредила княгиню Лович об угрозе? – поразился муж.

– Ну да. – Дарья Федоровна пожала плечами. – Но, кажется, она не прислушалась...

Шарль-Луи взял жену за обе руки.

– Ошибаешься. Она все рассказывает мужу. И ты уже начала оказывать услуги императорской семье. Поздравляю.

– Я просто хотела предупредить...

– Ты делаешь верные шаги, даже если не сознаешь этого, – ободрил муж. – Ты молодец. К тебе будут относиться как к заведомому игроку на «их стороне». Нам стоит остаться на коронацию?

– О нет! – в ужасе воскликнула Дарья Федоровна. – У меня не хватит платьев. А заказывать что-либо в Варшаве я отказываюсь!

Глава 8. Въезд

– И зачем нам два цесаревича?⁵⁷

Казалось, император начал жаловаться еще в Петербурге и продолжал до Варшавы с перерывами на сон и поломки экипажей. Бенкендорф никогда не видел его таким: взъерошенный, злой, точно сам перед собой оправдывается и сам себе объясняет, почему должен надеть корону Польши, которая принадлежит ему по праву.

– Я обязан решиться хотя бы ради сына. А то выходит, у меня два наследника. Вот потонули бы в прошлом году в шторм⁵⁸. Или отнесло бы нас к турецкому берегу. Или помер бы я, ну бывает же...

Бывает. Но редко. Просто так государи не мрут. Причина нужна. В этом Александр Христофорович был убежден.

– Кто наследует? По всему должен бы сын. Я и регента, случись чего, назначил – брат Михаил⁵⁹. Ему доверяю. Но у Константина-то тоже титул! И его права неоспоримы. Ладно, он мне уступил. Но обязан ли уступать ребенку? Да и сколько таких, кто предпочтет видеть царем взрослого дядьку, а не одиннадцатилетнего мальчика? Я не могу, коснись беда, поставить Сашу в такое положение...

Н-н-да. Ситуация. Никсу не позавидуешь. Вечно под ударом.

– Я оставил все, как есть. Боялся тронуть осиное гнездо. Но нельзя вечно жить в страхе. Точно половина тела парализована.

«Ну, не половина, не преувеличивайте!» Но поживи-ка с мертвой рукой или ногой. И так колодку за собой таскать тяжело. А она еще и тянет из остального тела силы. И деньги. Каждый год на военные игрушки Константина, как барышне на булавки, изволь, подай миллион рублей из казны! Так Ангел повелел. Мы должны платить за нанесенные полякам обиды. К счастью, деньги шли и на обустройство западных губерний: дороги, мосты, городские улицы, освещение... Не в коня корм. Вернее, не своего коня кормим, в этом Бенкендорф был убежден. И если бы только он!

– Я иногда думаю, – цедил Никс, – что брат Александр лелеял Польшу как некий русский Уэльс. Там должен бы сидеть наследник. Набираться опыта. Оазис цивилизации на наших диких равнинах. И на нашей шее. – Царь хмыкнул. – Монарх за годы в Варшаве привыкает и к Конституции, и к правам подданных. А потом несет их в наши леса и болота.

За прошедшие три года отношение Никса к покойному Ангелу стало жестче. Нетерпимее. Навалились нерешенные братом дела. Еще хуже были дела решенные... С возрастом в лице императора стала проглядывать суровость – неподдельная строгость, особенно очевидная в минуты, когда он замолкал и отворачивался к дороге. Тогда его черты застывали маской из еще влажного, несхватившегося гипса. Бенкендорф, быстро взглядывая на него, и видел, как прежде мягкое и растерянное становится твердым, отточенным, непреклонным. «Константин даже и не подозревает, кто к нему едет!» Самодержец. Вовсе не родственник.

Александр Христофорович захотел отвлечь спутника. Сколько можно? Извелся весь.

– Скоро пойдут места, где я в минувшую войну все изъездил верхом вдоль и поперек, – сообщил он. – Покажу и расскажу, где с кем схватывались.

⁵⁷ Константин Павлович попросил Николая I оставить ему титул цесаревича, т. е. наследника престола, который был дарован еще Павлом I. При этом официальным наследником являлся сын Николая – Александр Николаевич.

⁵⁸ Имеются в виду события 1828 г. – плавание на корабле «Императрица Мария» из-под Вырны к Одессе, когда император попал в шторм и судно погнало ветром к Турции. Тогда было принято решение взорвать корабль. Подробнее смотри мою книгу «Южный узел».

⁵⁹ Великий князь Михаил Павлович (1798–1849), младший брат Николая I, главнокомандующий гвардейскими и гренадерскими корпусами, пользовался полным доверием императора.

Он знал: Никсу это интересно. Сам не поспев на драку с Бонапартом, тот при хорошем описании переживал, как будто видел и даже участвовал в деле. Давал комментарии: а надо было так, а почему вон оттуда не зашли?

Хороший перерыв в бесконечном «Плаче по Константину».

Не тут-то было! Искомый миллион, которого так не хватало на родном бездорожье, оказался очень недурно употреблен в Польше. Впрочем, не самими поляками, а чиновниками, работавшими *для них*. Немецкими чиновниками русского подданства.

Зла не хватало. Спутники так друг другу и сказали. Благо в выражениях не стеснялись, а мнения чаще всего совпадали. Зачем? Кого кормить? Завтрашних мятежников? Мечта Ангела о том, будто русские и поляки под единой короной смогут мирно предаваться взаимной любви, – да не будет этого! Слишком много крови пролито.

– Здесь были такие болота и торфяники, что всадник с конем увязал! – бубнил Бенкендорф. – А пески! Прямо от Белостока шли зыбучие дюны. По кромочке приходилось проскакивать. Гиблые места.

Ничего подобного. Широкая мощеная дорога вела до самого Тыкоцина. Шаткий мост и грязная плотина, которые хорошо помнил Шурка, исчезли. Чистенькие дома таращились на улицу, словно умытыми дождем стеклами. В палисадниках тюльпаны поднимали к небу луковичные головки. Дорожки были обсажены каштановыми деревьями, которые тоже, кстати, цвели.

– Боже, – протянул государь, – а у нас...

Дома еле из грязи вылезли. Апрель – время едва наметившихся дорог. Хорошо, если избы топят по белому. Но сколько таких, у которых дым валит и в двери, и в заволоки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.